Елизавета Дворецкая
ИСТОЧНИК
СУДЬБЫ

Рюрик

Елизавета Дворецкая

Источник судьбы

«Автор»
2015

Дворецкая Е. А.

Источник судьбы / Е. А. Дворецкая — «Автор», 2015 — (Рюрик)

Северная Европа, 9 век. Необходимость делить добычу разделила братьев Рерика и Харальда, сыновей Хальвдана, и сделала врагами. После неудачной попытки жениться на красавице из семьи знатных фризов, Рерик возвращается домой, на Север, и здесь встречает девушку, которая способна указать ему новую цель в его вечном движении за морской горизонт. Теперь родовое сокровище — Золотой Дракон — принадлежит Рери, с него начнется новый род и новая слава…

© Дворецкая Е. А., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 25
Глава 3 39
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Источник судьбы
Елизавета Дворецкая

© Елизавета Дворецкая, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

Когда Анунд конунг с дружиной явился во Фризию, Харальд и Рерик совсем ему не обрадовались. Им хватало своих забот, и мятежный брат уппландского конунга Бьёрна был им нужен, как колючка в башмаке. Харальд так и сказал, причем сам считал, что выразился очень мягко. Он стыдился, что так сильно испугался, и хотелось ему выразиться гораздо крепче, чем пристало христианину, графу Фландрскому и Фрисландскому, а в придачу близкому родичу сразу нескольких королей.

– А я, знаешь ли, ему прямо-таки благодарен! – со смехом отвечал Рерик, который, напротив, от испытанного облегчения развеселился. – Мы должны ему сказать спасибо за то, что он явился просить помощи, а не для того, о чем мы подумали!

– Ну еще бы! – усмехнулась графиня Теодрада, жена Харальда и племянница короля Лотаря. Благодаря браку с ней сын Хальвдана Ютландского и занял свое нынешнее положение. – У вас самих ведь одни набеги на уме, и всех остальных вы подозреваете в том же.

– Если мы не будем всех подряд подозревать, то проживем недолго, – бросил Харальд, уже потихоньку остывая. При виде веселого лица младшего брата он теперь уже устыдился своего недавнего гнева. – Ты сама, кажется, должна понимать…

Графиня Теодрада опустила глаза и промолчала. Судьба этой молодой женщины, едва отметившей свое восемнадцатилетие, сложилась весьма причудливо. Правнучка императора Карла Великого, которого и сейчас еще почитали на просторах его бывшей, развалившейся империи, племянница нынешних королей Франкии, Германии и Лотарингии, она в тринадцать лет была выдана замуж за графа Санлисского, через несколько лет овдовела и хотела уйти в монастырь, но превратности судьбы сделали ее сначала пленницей, а потом женой датского конунга Харальда, пришедшего во Франкию как враг и разоритель. Родственница христианских королей, она была теперь женой одного из морских конунгов, вчерашнего язычника, викинга, одного из тех, чьи набеги в течение десятилетий разоряли христианские земли, несли смерть и разрушение мирянам и служителям церкви.

Поначалу она верила, что все сложится хорошо. После переговоров с ее дядей, королем Франкии Карлом Лысым, старший из двух братьев, Харальд, согласился вместе с дружиной принять крещение, за что получал ее руку и должность графа Фландрского[1]. Крещение состоялось, Харальд, его брат Рерик, сама Теодрада и вся дружина получили богатые подарки и отбыли во Фландрию. Казалось бы, все испытания позади, и Теодрада, однажды овдовевшая и не сумевшая стать монахиней, приобрела нового мужа и положение графини, вполне приличное женщине ее происхождения.

Во Фландрии сыновья Хальвдана со всем своим хирдом поначалу обосновались в Гавани. Так, за неимением другого названия, именовалось местечко в гавани на реке Лис, где в последние десятилетия не раз останавливались викинги во время походов в эти места. Сам поселок представлял собой укрепленный стан – несколько больших домов для дружины за земляным валом с частоколом поверху. При Рагнфриде Железном, который какое-то время назад оборонял Фландрию от набегов своих же бывших соратников и носил горько – шутливое прозвище «лесничий Фландрии»[2], здесь завелось население – какие-то ремесленники и мелкие торговцы из местных, скупавшие у викингов добычу и взамен снабжавшие их съестными припасами. Но

[1] В раннем Среневековье «граф» было не дворянским званием, а должностью правителя края, назначаемого королем, и в течение IX века эта должность постепенно становилась наследственной.

[2] Должность «лесничего Фландрии» была создана в 792 году Карлом Великим, и занимающий ее был обязан управлять богатыми лесными угодьями и поддерживать порядок среди населения. Собственно графство Фландрское образовалось в эпоху викингов.

после смерти Рагнфрида Гавань запустела, и сыновья Хальвдана нашли здесь покинутые дома с протекающими крышами.

Крыши они поправили и даже построили еще один большой дом для себя и дружины. Большая часть смалёндцев, сопровождавших сыновей Хальвдана в этот славный поход, с приближением осени вернулась домой. С вождями осталась только их ближняя дружина, состоявшая из тех, кому вольная жизнь викинга нравилась больше, чем ведение хозяйства и уход за скотом. Таких набралось около полусотни, а вместе с остатками дружины разбитого под Сен-Кантеном Ингви конунга у них под началом оказалось около двухсот человек. Но также с сыновьями Хальвдана остались некоторые из знатных смалёндцев, имевших собственные дружины – Альв сын Стюра, Гейр сын Кетиля и Аслейв, сын Бьёрна Корабельного Носа. Вместе с норвежской дружиной Оттара Епископа это составляло даже чуть больше пятисот человек. А пятьсот хорошо вооруженных, опытных, отважных и закаленных походами мужчин – это уже не дружина, это войско. Войско, которое при наличии знатного, умного и удачливого вождя способно на большие дела.

Правда, прокормить эти пять сотен крепких мужчин тоже забота не из легких…

Впрочем, зиму прожили неплохо. За время своего победоносного похода во Францию сыновья Хальвдана взяли огромную добычу и теперь могли щедро наградить и достойно содержать своих людей. У каждого появились золотые и серебряные украшения, нарядные одежды из византийских шелков с золотой вышивкой, а кресты новоявленных христиан, золотые, серебряные, с самоцветами, не посрамили бы и епископов. Женщины тоже имелись – при разделе добычи каждый, кто желал, мог выбрать себе молодую красивую пленницу или даже нескольких. У Теодрады, на плечи которой вдруг свалилась забота о еде и одежде для полутысячи человек, в распоряжении было достаточно рабов и рабынь, но из-за отсутствия опыта ей в эту зиму пришлось нелегко. Рерик как мог помогал ей делом и советом, и все же она нередко приходила в отчаяние.

Стараясь облегчить ее ношу, да и просто скучая по матери, Харальд и Рерик вместе с возвращающимися домой смалёндцами передали приглашение фру Торгерд приехать и поселиться с ними. Но она отказалась. Сыновья звали ее, гордые тем, что наконец-то могут предложить матери собственный дом, окружить ее богатством и почетом, достойными женщины королевского рода, но она не решилась покинуть усадьбу Хельгелунд. Фру Торгерд, в молодости перенесшая больше тревог, чем могло выдержать ее сердце, не хотела начинать жизнь сначала, где-то в чужой земле, да еще и с невесткой-христианкой. Она уже не искала ни богатства, ни почестей, а только мира и покоя под кровом родного дома. А поводом послужило то, что она сама нужна этому дому: усадьбе смалёндского конунга не обойтись без знатной и опытной хозяйки, а ее племянник Гудлейв еще слишком молод для женитьбы.

Весной Теодраде стало повеселее. Тибо, все это время исправлявший должность майордома, как его вслед за франками стали называть и норманны, весной поехал в Амьен, чтобы привезти оттуда свою невесту, Адель. Теодрада ждала этой свадьбы с не меньшим нетерпением, чем сам жених – наконец-то у нее появится настоящая подруга и помощница, выросшая в доме ее матери, амьенской графини Гизелы.

Но ее ждала даже большая радость, чем Теодрада ожидала. На обратном пути Тибо удостоился великой чести – сопровождать саму графиню Гизелу, пожелавшую навестить свою дочь и ее новую семью.

Услышав о предстоящем посещении сестры короля – Тибо догадался за два дня до прибытия прислать гонца – Харальд возгордился, а Рерик встревожился. За дни, что предшествовали крещению, он так сдружился с графиней Гизелой, что только близкое родство с королем защищало ее от низких подозрений. Сам Рерик всю зиму перебирал в душе воспоминание об этих встречах, но не делился этим ни с кем, даже с ближайшими друзьями. И тем более – с братом. Да Харальд извел бы его насмешками, тем более что сам был женат на дочери Гизелы!

Но Рерик не видел в этом ничего смешного. Графиня Гизела в ее тридцать с небольшим лет была стройна и прекрасна, как молодая девушка, а в глазах ее он видел столько ума, душевной силы, благородства, что очень быстро перестал думать о том, что она на тринадцать лет старше его. Если бы графиня была свободна, он непременно посватался бы к ней, и пусть Харальд говорит что хочет! Но Гизела была замужем, и Рерик ради собственного спокойствия старался не давать воли мыслям о ней. Если бы речь шла о другой женщине, он мог бы предложить ей побег или просто похитить – но он знал, что внучка Карла Магнуса, сестра трех королей, разделивших его прежние владения, на это не пойдет. Да и слишком мала надежда на то, что она хоть сколько-нибудь думает о нем…

Однако, узнав, что она приезжает, Рерик почувствовал, что она едет не только ради дочери, но и ради него. Но как ее принимать в этом убожестве, в Гавани! Из кладовок вытащили ковры и всякие ткани, способные украсить дом; ковров не хватало, и бревенчатые стены увешали плащами, расшитыми алтарными покровами из ограбленных церквей, даже шазюблями и далматиками. Тем из своих людей, чья одежда пришла в негодность, Рерик раздал новые плащи и гонели, то есть верхние рубахи – за время жизни среди франков и валлонов они набрались местных слов. Простые грубые лавки – о резных досках в воинском стане с вечно меняющимися постояльцами, конечно, и не думал никто – покрыли лучшими шкурами и крашеными овчинами. Простые опорные столбы, которые в приличных домах украшены резьбой, нередко отражающей историю рода, увешали оружием, в основном дорогими рейнландскими мечами с позолотой и самоцветами на рукоятях. На столы поставили лучшую посуду, серебряные блюда и церковные чаши. Рерик старался изо всех сил, чтобы графине Амьенской понравился дом и убранство. Но, когда она наконец появилась, он совершенно забыл об этом. И то, что Гизела не обращала никакого внимания на покрывала и чаши, а смотрела на него самого, ему очень нравилось.

– Ты еще больше вырос, Рейрик, – сказала она, глядя на него снизу вверх.

Собственно, она и дала ему новое имя – его имя Хрёрек франки произносили как Рейрик, и ему это было приятно, потому что напоминало о графине Гизеле.

Рерик и правда еще подрос за зиму. К той весне ему исполнилось девятнадцать. Было ясно, что стать таким высоким, как Харальд, ему не удастся, но он заметно возмужал, и уже никому не казалось, что он-де «слишком молод». Широкие плечи и мощная спина создавали впечатление силы и в то же время не мешали ловкости и подвижности. Рерик оставался таким же общительным, дружелюбным, всегда готовым взяться за любое нужное дело, пусть и не сулящее выгоды или чести. Даже походка выдавала в нем уверенность в себе без самовлюбленности, которой стал несколько страдать Харальд после всех их достижений. В Рерике появилось то ощущение властности, которое молодость делает только ярче, подчеркивает то, что обладатель этих качеств еще только в начале пути, что у него еще очень много времени впереди для новых подвигов и завоевания новой славы.

Графиня Гизела пробыла в Гавани около двух недель – точнее, шестнадцать дней, Рерик тайком считал их, потому что каждый был на вес золота – а потом уехала назад в Амьен. И Рерик так заскучал, что с восторгом поддержал возникшие в дружине разговоры, что, дескать, зима-то прошла, хватит уже на месте сидеть. Никто из них не хотел отличиться так, как Рерик. А в Гавани что – скучная чужая страна, малочисленное полуразоренное постоянными набегами население не сулило им ни славы, ни богатства. Даже сама графская должность, которая для многих и многих знатных воинов составляла предел мечтаний, потомкам датских конунгов из рода Скъёлдунгов уже казалась унижением. Ведь она ставила их в положение подданных франкского короля, а кто он сам, этот король? Всего три поколения назад его предки были майордомами, то есть управляющими хозяйством у предыдущей династии. В море ты, по крайней мере, сам себе господин и нет над тобой никаких королей, кроме Одина, Тора и Ньёрда.

Поэтому почти сразу же, как только графиня Гизела уехала и у дружины прошло похмелье от прощального пира, Рерик, с известным трудом поборов сопротивление Харальда, приказал готовить корабли к отплытию. Харальд опасался, что король Карл будет недоволен – ведь пока они будут искать славы за морем, кто-нибудь может с той же целью явиться сюда, а им для того и дали графство Фландрское, чтобы они его защищали. Теодрада тоже была против похода, но в этом деле Рерик не собирался с ней считаться, хотя испытывал к невестке теплое чувство истинно братской привязанности. Теодрада на вид казалась даже моложе своих восемнадцати лет – маленького роста, стройная, как девочка, светловолосая, с тонкими чертами нежного девичьего лица, с маленькими белыми руками. Рерик относился к ней как к младшей сестре, всячески опекал ее и даже согласился, по ее настоянию, учиться у нее латинской грамоте. И честно пытался – некоторое время. Теодрада, получившая воспитание сначала дома, а потом обучавшаяся у старших монахинь и даже занимавшаяся перепиской книг, прилагала все усилия, чтобы ознакомить обоих братьев хотя бы с начатками знаний, которые даются мальчикам в монастырских школах, но из этого почти ничего не вышло. Напрасно Теодрада пыталась направить по этому руслу их честолюбие, рассказывая о придворной академии Карла Великого и знатных людях, отличавшихся обширными знаниями в разных науках, писавших латинские стихи, наблюдавших движение небесных тел, толковавших Священное Писание, чертивших планы дворцов и часовен. Даже помощь отца Хериберта, имешего опыт школьного преподавания, ничего не давала. Руки нынешних графов Фландрских, привыкшие к веслу, рукояти меча или ростового топора[3], не способны были удержать перо. В итоге оба сына Хальвдана едва-едва могли начертить свое имя, вернее, знак, заменявший знатным людям подпись. Эти знаки для обоих придумал отец Хериберт, взяв за образцы подписи знатных франков. Молитвы Харальд и Рерик неплохо заучивали на слух, хоть и не понимали латинских слов: как большинство представителей тех народов, что не знают письма, они имели хорошую память и привыкли запоминать даже очень длинные повествования во всех подробностях. В чтении они тоже особых успехов не достигли – спасибо, они хоть поняли, что такое письменная речь, и перестали подозревать в писаной строке зловредное колдовство. Но и прочитать за один прием больше двух строчек им редко удавалось, и при этом оба уставали так же, как от гребли в течение целой «смены». Про церковное пение и говорить не стоило – на пирах с дружиной они с удовольствием пели свои привычные песни, мелодия которых напоминала ритм корабельной гребли. Причем хмельные хирдманы еще и стучали в такт кубками по столу, и, бывало, шум и рев из гридницы полночи не давали Теодраде заснуть.

Чем дальше, тем больше она понимала, что ни крещение, ни графское звание не изменило взглядов и привычек сыновей Хальвдана – они остались теми же разбойниками, которыми были, когда она впервые о них услышала. И в то же время она чувствовала, что привязалась к обоим – и к своему мужу, и к его брату, и даже к их людям – Орму Шелковому, Оттару Епископу, к хирдманам из ближней дружины. При всей грубости их воспитания и нравов, при всей дикости их языческих понятий все они были по-своему добрыми людьми, а к ней относились с почтением и даже заботой. Увидев, что во время прогулки она устала и присела на камень, кто-нибудь из сопровождавших ее хирдманов или сам Рерик тут же скидывал с плеч плащ или меховую накидку, чтобы ей было мягче и теплее сидеть, и это трогало Теодраду чуть ли не до слез. Когда эти же самые люди разоряли Сен-Кантен, убивали мирян и священников, грабили имущество церквей и простых горожан, ей не могло и в голову прийти, что они могут быть такими. Но тогда ведь была война, а у войны свои законы; в мирное же время они относились к жизни и достоинству свободных людей с не меньшим уважением, чем самые просвещенные народы.

[3] Ростовой топор – двуручный топор с рукоятью почти в рост обладателя.

Итак, отличиться на ниве собственного просвещения у Рерика не очень вышло, и тем сильнее его тянуло к новым походам. Очередной целью была выбрана Фризия. Эта страна, лежавшая на восток от Фландрии и отделенная от нее огромным Угольным лесом, была выделена уже другому королю, Лотарю, тоже сыну Хлодвига Благочестивого. Это давало викингам возможность заняться любимым делом, не нарушая своей клятвы верности Карлу.

Во Фризии им повезло – Золотой Дракон, воплощение удачи рода, снова оправдал их надежды. Время для нападения оказалось очень удачным – вик Дорестад, расположенный в устье Рейна, уже более-менее оправился от предыдущих набегов, в нем снова завелись торговые гости и товары, но там еще не было нового графа с сильным войском, которое могло бы дать отпор новым захватчикам. Не имеющий никаких укреплений Дорестад оказался в их власти мгновенно, вместе со всеми людьми и их имуществом.

Но теперь сыновья Хальвдана, вооруженные не только отличными рейнскими мечами, но и опытом, поступили умнее, хоть и вопреки мнению части дружины. Отказавшись от соблазна немедленно погрузить на свои корабли добычу и пленных и отбыть, они выбрали из числа пленников несколько самых знатных людей, чьи родичи, дома и имущество тоже были в их руках, и послали к королю Лотарю с предложением переговоров. И переговоры увенчались полным успехом. Лотарь, как и Карл, имеющий достаточно внешних и внутренних врагов, предпочел не отбивать Дорестад назад, а утвердить за захватчиками Фрисландское графство. Пленные были освобождены, имущество возвращено им почти полностью, а сыновья Хальвдана обосновались в Дорестаде, в усадьбе, которую с тех пор сделали местом своего постоянного пребывания. Харальд только один раз за два года побывал в Гавани, управлять которой поручил Альву сыну Стюра. Правда, и должность графа Фландрского он пока оставил за собой. Разделиться и править каждый своим графством сыновья Хальвдана еще не решались. Считая дружины ярлов, они имели восемь кораблей, и их объединенных сил как раз хватало на то, чтобы не чувствовать себя беспомощными.

В Дорестаде им понравилось больше, чем в Гавани. Это был старинный и довольно обширный вик; фризы утверждали, что начало ему положили еще римляне. Впрочем, почти все постройки в нем были совсем новыми: ведь и десяти лет не прошло с тех пор, как Дорестад был дочиста разграблен и сожжен. Поселение сгорело почти полностью, жители, избежавшие смерти и плена, разбежались, и только теперь он снова ожил. Из многочисленных некогда церквей и монастырей, ставших первой целью грабителей, были восстановлены лишь несколько: собор да два мужских монастыря. Поставленнае во времена франкского владычества небольшая крепость, разрушенная викингами, до сих пор не была восстановлена, но торговцы не могли покинуть такое удобное и выгодное место, поэтому теперь Дорестад был почти так же многолюден и оживлен, как до разорения.

В отличие от иных виков Северных стран, обитаемых только летом во время торга, тут постоянно жило довольно много людей – торговцы, ремесленники, местная фризская знать. Здесь производилось множество разных товаров: изделия из железа, драгоценных металлов, янтаря, кости; строились корабли, выделывались кожи и шкуры. Двести лет назад франкский король Дагобер, захватив Дорестад, устроил тут монетный двор. А чуть позже фризы, наряду с англами и саксами, начали чеканить маленькие серебряные монетки, называемые скеатами, которые быстро вытеснили из обращения привычное римское золото. Фризы же первым завладели торговыми путями на Севере и Западе, и их деятельности были обязаны своим возникновением многие знаменитые вики, в том числе и сам Дорестад.

Северяне хорошо знали фризов по встречам на торгах и дразнили «суконщиками» – потому что одним из самых знаменитых фризских товаров издавна были тонкие шерстяные сукна, пользовавшиеся везде большим спросом. Теперь, когда норманны жили среди них, фризы оказались чрезвычайно любопытным народом. В том смысле, что самим викингам их обычаи показались любопытными. Старший сын в семье обычно наследовал хозяйство, а млад-

шему доставалась обязанность вести торговлю – и торговлей здесь занималась каждая приличная семья. Выращивая скот и ведя рыбную ловлю, фризы в изобилии вывозили на рынки шерстяную пряжу и изготовленные дома шерстяные ткани, мясо, шкуры, коровий волос, сыр, рыбу во всех видах. В самом Дорестаде жили более богатые торговцы. Удобное положение вика, расположенного в устье Рейна, позволяло им заниматься перепродажей дорогих товаров: франкских мечей, стекла, вина, шелковых тканей, знаменитых фризских кувшинов – черных, с узорами из тончайшего оловянного листа, – а также оружия, рабов, глиняной посуды и всего прочего.

Несмотря на обилие церквей, построенных за те двести лет, что франки пытались сделать их христианами, в душе фризы оставались приверженцами старых богов, и это облегчило им взаимопонимание со вчерашними язычниками-викингами. Из всех богов они особенно почитали Фосити и трех богинь: Фроуву, Валлу и Хлудану. Поклонялись им у воды: возле источников, ключей, ручьев. Вода была для фризов всем – излюбленным средством сообщения, источником пропитания, а еще опасным врагом, вечно грозящим смыть в море их дома и посевы.

Несмотря на то, что фризы уже не первый век подвергались давлению со стороны королевства франков и уже в течение нескольких поколений Фризия считалась частью франкской империи, фризы сохраняли мятежный дух свободы и стремились к независимости. Причем от новых графов-норманнов они и не думали это скрывать. Представители местной знати – мобили и эделинги – со своими новыми владыками держались гордо и даже надменно, всем видом давая понять, что они – исконные владельцы этой земли, во многом созданной их руками, а норманны – пришельцы, нахлебники, чуть ли не бродяги. Харальда и даже не столь самолюбивого Рерика это часто бесило, но торговые обороты Дорестада сулили такие богатства от сбора пошлин и налогов, что за это можно было и потерпеть. По крайней мере, в первые два года им хватало забот в своем новом доме и за море не тянуло.

За эти два года им трижды приходилось сталкивать корабли, сажать на них дружину и выводить в море, чтобы преградить путь другим охотникам до чужих богатств. Один раз битва состоялась – и сыновья Хальвдана уверенно разбили Тормунда Бровь, конунга восточных гаутов, самого его взяли в плен и вернули семье за приличный выкуп. Правда, сейчас Тормунд конунг был уже стар, толст, хромал на обе ноги, страдал одышкой, а лицо его было страшно изуродовано шрамом, прошедшим через бровь и глаз, из-за чего он впридачу окривел. На памяти братьев, лет десять назад, Тормунд Бровь, еще не такой толстый, но уже кривой, сватался к их матери, фру Торгерд. Чтобы избавиться от этого жениха, не ставя под удар семью и страну, ей пришлось придумать себе женскую болезнь, исключающую замужество. И хотя то давнее дело уже затянуло песком, сыновья Торгерд были особенно горды своей победой над старым уродом.

После этого еще двое морских конунгов, в том числе весьма знаменитый Сигмунд Британский, родом из норвежского Рогаланда, наткнувшись на отпор, предпочли уклониться от боя. Сыновей Хальвдана начинали уважать. Но оставлять Дорестад без присмотра они пока не решались – за спокойные года он оброс жирком и в глазах многочисленных морских конунгов был желанной добычей.

Этим летом они тоже никуда не собирались. Правда, в дружине шли разговоры, что до Британии здесь рукой подать, за неделю можно сходить, взять добычу и вернуться, никто и узнать не успеет, что в Дорестаде хозяев нет дома. И Рерик подумывал, что и впрямь неплохо бы пройтись по морю, напомнить, кто он такой – Хрёрек сын Хальвдана. Кстати, если бы удалось склонить к участию в походе самих фризов, в прошлом искусных и отважных мореходов, надежды на успех еще возросли бы.

Повод выяснить их настроение подвернулся подходящий – весенний праздник, который жители Северных стран называли Праздником Дис, а христиане примерно в это же время отмечали воскресение своего Христа – Пасху. На пир в свою усадьбу сыновья Хальвдана созвали

всех знатнейших фризов, мобилей и эделингов, совместно с их литами, то есть зависимыми людьми, составлявшими свиту и дружину каждого на время выездов из дома. Но эту зависимость следовало скорее назвать покровительством – вроде того как в Северных странах каждого знатного хёвдинга сопровождают на тинг бонды и хёльды, пользующиеся его защитой и сами помогающие, если есть нужда. В этом не было ничего общего с той зависимостью всех и каждого от сеньора, графа или короля, которая губила Франкию. Фризы считали свободу неотъемлемым правом каждого достойного человека, и франкскому правилу «у каждого должен быть сеньор» противопоставляли свое – «все фризы должны быть свободными».

Праздник получался весьма своеобразным. Для начала фризы и норманны встретились у источника Фроувы и совместно принесли жертвы богине и ее сестрам – молоко, мед, хлеб. Многие бросали в источник золотые и серебряные монеты: франкские денарии и фризские денье, монеты местной чеканки – с изображением креста, храма, христианскими латинскими надписями. При жертвоприношении присутствовали и оба брата. Харальд явился подданным в тех самых одеждах, которые подарил ему король Карл перед крещением: из пурпурного шелка с золотым шитьем и бляшками из листового золота, напоминавшими золотую чешую диковинного огненного дракона, пояс, так плотно покрытый золотыми бляшками и подвесками, что он весил марок пятнадцать, а красный сафьян из-под украшений был совсем не виден. На ногах его были шелковые чулки-шоссы, тоже с золотым шитьем, ремни, как и пояс, сверкали золотом и самоцветами. Про обилие золотых цепей, браслетов и перстней нечего и говорить. Довершали наряд белые шелковые перчатки, к которым норманны еще не привыкли и которые казались им наиболее изысканной частью убранства.

Прочие норманны тоже постарались и извлекли свои лучшие одежды, захваченные во Франкии в достопамятном походе. Рерик при разделе добычи тогда выбирал вещи голубого, зеленого и золотисто-коричневого цветов – именно в таких платьях он несколько раз видел рыжеволосую графиню Гизелу, и с тех пор они стали его любимыми. К его светло-русым, с легким рыжеватым отливом волосам, к желтовато-серым глазам эти цвета хорошо подходили, но об этом он ничуть не задумывался. Сегодня он был в голубой далматике и коричневом плаще с золотым шитьем, сколотым золотой застежкой в виде орла, с красной эмалью и гранатом в глазу. Эта старинная вещь была подарком графини, и Рерик дорожил ею почти так же, как свои мечом.

Не пришла только Теодрада – ей, рожденной и воспитанной в христианстве и даже мечтавшей когда-то сделаться монахиней, эти языческие обряды были неприятны, но поделать она ничего не могла и могла лишь делать вид, что не обращает внимания.

Она явилась только в храм, где короли с дружиной и знатью присутствовали на торжественном богослужении. Ради торжественного случая она надела накидку, целиком расшитую золотом – тоже подарок короля Карла к ее второй свадьбе. Поверх белого шелкового покрывала на голове ее сияла графская корона, привезенная когда-то юной девушкой из родного Фриуля – широкий обруч из золота, украшенный узорами из разноцветной эмали, с зелеными и белыми самоцветами. Ее сопровождали Адель, супруга майордома Тибо, и Рагенфредис – женщина из рода местных мобилей, на которой в прошлом году женился Орм Шелковый.

Служил аббат Бернульф из монастыря Сен-Ломэ. Его прочили в новые епископы Утрехта, взамен прежнего, вынужденного уехать в поисках спасения от постоянных норманнских набегов. Правда, Рерик предпочитал видеть на месте епископа своего собственного духовника – отца Хериберта. История появления этого бенедиктинца в дружине Рерика составляет отдельную сагу. Нужно только отметить, что он, превыше всех почестей и власти ценивший возможность приносить пользу душам вчерашних язычников, предложил братьям из монастыря Сен-Валери-на-Сомме выбрать другого аббата и последовал за своими духовными питомцами сначала во Фландрию, а затем и во Фризию. Здесь он сперва был просто духовником маленькой графской семьи и заодно дружины, но довольно быстро Рерик предложил ему

взяться за восстановление монастыря Святого Хевальда, опустевшего после недавних набегов. Он был по-своему привязан к чудаковатому бенедиктинцу, сочетавшему в себе смирение, стойкость и непритязательность с отвагой и решительностью, однако от постоянной опеки и наставлений уставал и был рад дать его силам какое-нибудь другое направление.

Удалось разыскать всего троих уцелевших монахов, но за полтора года Хериберт успел «дать куколь», то есть постричь, еще пятерым. Мог бы принять и больше, поскольку желающих послужить Богу под покровительством графского духовника было немало, но Хериберт, сам искренне и преданно верующий, допускал в обитель только тех, в чьем бескорыстии и благочестии был уверен. Деятельный и самоотверженный, отец Хериберт ни мгновения не сидел без дела, неустанно помогая всем нуждающимся. Он же устроил в Дорестаде странноприимный дом, средства на содержание которого давала графиня Теодрада. Харальд поначалу ворчал, что своим деньгам его жена может найти применение и получше, чем кормить вшивых вонючих бродяг.

– Но отцы церкви учат нас: будьте гостеприимны по отношению друг к другу, ибо на Страшном суде Господь скажет: «… был странником, и вы приняли меня», – наставлял его отец Хериберт. – Принимайте странников и помните, что вы сами странники в веке сем.

И Харальд смирился: благочестивая супруга возмещала недостаток истинного благочестия у него самого и помогала жить в мире с христианским населением Дорестада. Более того: слава о белой голубке из гнезда Карла Великого распространялась по викам северных морей и привлекала в Дорестад торговцев, которые надеялись, что влияние жены-христианки укротит свирепость норманнского вождя. Так говорил один из свейских торговцев, и Харальд с тех пор стал иногда звать свою жену Голубкой. И даже изредка подкидывал ей денег: в Дорестаде вечно толкалась всякая братия из разорившихся торговцев, бедных крестьян, приехавших на торг, даже беглых рабов или просто бродяг, перебивающихся непонятно чем, так что ее странноприимный дом, или госпиций, как его называл отец Хериберт, всегда был полон.

На пир оба аббата, Хериберт и Бернульф, благоразумно не явились. Подвыпившие эделинги стали поднимать кубки, уже открыто провозглашая славу Фроуве с сестрами и Фосити. А когда наконец внесли на огромном блюде поджаренного кабана и Харальд встал со своего места, вместе с ним вскочили еще четверо или пятеро знатных фризов.

– Во славу Фрейи, Фрейра и добрых дис мы сейчас поделим этого кабана, и каждый благородный человек получит свой кусок! – провозгласил Харальд, уже немного нетвердо держащийся на ногах. За время жизни во Франкии, Фландрии и Фризии он пристрастился к вину, которое здесь можно было достать в любых количествах, и от привычного северянам пива или медовухи воротил нос. – И первая часть причитается мне, вашему конунгу!

Звание «граф» ему совсем не нравилось, тем более что здесь, в Дорестаде, власть короля Лотаря почти не ощущалась. В кругу своих или, как сейчас, в подпитии, он предпочитал называть себя конунгом Фризии.

– Погоди, не спеши так, Харальд сын Хальвдана! – возразил ему Альдхельм сын Ландоальда, один из самых знатных эделингов.

Это был рослый, весьма красивый человек средних лет, с темными волосами, одетый в роскошный шазюбль из византийского лилового шелка, с золотой каймой и вышивкой, с золотыми пластинками, вплавленными прямо в ткань с помощью раскаленного железного прута. Сохраняя верность обычаям предков, фризская знать, однако, уже давно перенимала у франкских придворных привычку к роскоши, а заодно и сами предметы одежды. Владея большими богатствами и проживая на таком оживленном перекрестке водных и сухопутных дорог, от этого было слишком трудно удержаться.

Альдхельм вел свой род от потомков одного из последних кюнингов Фризии, Радбода, правда, по женской линии. Иначе этим потомкам едва ли позволили бы остаться в живых. Сам Альдхельм претендовал на звание графа Фрисландского, надеясь под прикрытием этой долж-

ности восстановить власть и влияние своего рода, но короли, сначала Хлодвиг Благочестивый, потом его сын Лотарь, хорошо понимали, чем грозит им усиление старинной фризской знати. Даже норманны были предпочтительнее, поскольку мешали усилению эделингов, а эделинги мешали усилению норманнов.

– Сегодня, когда мы пируем в честь Фроувы и ее сестер Валлы и Хлуданы, самых добрых, самых щедрых и прекрасных из рода ванов, – продолжал Альдхельм, опираясь одной рукой на плечо своего брата Ландоберта, а в другой держа серебряный кубок с вином, уже не первый за сегодня, – я, потомок славного кюнинга Радбода, имею не меньшее право… получить голову кабана. В то время, когда старые боги правили миром, только сыны моего рода имели право делить кабана на священном пиру! Ибо в своих руках держали они и мирскую, и жреческую власть, водили своих подданных в бой и говорили от их имени перед богами!

Фризы одобрительно загудели, радуясь случаю вспомнить те времена – когда их благородные предки сами правили своим народом, вершили дела на собраниях свободных людей и почитали своих богов открыто, не оглядываясь на навязанную им власть графов и епископов.

– Те времена прошли! – крикнул Харальд. – Теперь я – ваш конунг, и только мне принадлежит право приносить жертвы и делить кабана!

– Так-то оно так, но если жертвы будет приносить чужой человек, богиня может обидеться! – поддержал Альдхельма другой эделинг, Гильберт сын Вульфрика. Это был щуплый, седой, но очень подвижный старик, пронырливый и умеющий со всеми ладить, оставаясь, однако, себе на уме. – Если богиня лишит нас своей милости, и вам будет от этого плохо, так что лучше тебе уступить, граф Харальд!

– Я – истинно королевского рода! – горделиво выпрямившись, отвечал на это Харальд. В своем пурпурно-золотом одеянии он выглядел так, что в истинности его слов невозможно было усомниться. – Род мой идет от самого Одина, и где бы я ни приносил жертвы, боги не отвергнут их. Вам повезло, что мы пришли к вам. А не то достался бы вам какой-нибудь франк, и все радости ваши были бы – кусочек сухого хлеба и глоточек вина, и то после исповеди.

Фризы и норманны за столами засмеялись. Языки тех и других, как, впрочем, и франков, происходили от единого корня, и к тому же все понабрались друг друга разных слов, так что в хирде сыновей Хальвдана разговоры велись на беспорядочной смеси северного и фризского языков. Надо сказать, что примерно на таком же смешанном языке общались торговые гости в любом из виков Нордлёнда.

– А вы, язычники, так и будете всю жизнь лизать свои жертвенные чаши! – закричал какой-то из торговцев-франков, тоже приглашенных на пир. – А потом вас теми же языками заставят лизать раскаленное железо! В аду, куда вы все попадете!

Поднялся шум, все кричали свое. Харальд, с длинным ножом в руке, приблизился к кабану на блюде, намереваясь все же начать раздел. Но Альдхельм тоже подошел и загородил ему путь.

– Я не позволю, чтобы на празднике Фроувы кабана делил человек, который не выполняет своих обетов и не защищает своей чести! – кричал Альдхельм, размахивая кубком, и красное вино, выплескиваясь оттуда, окропляло столы и гостей, будто жертвенная кровь на старинных пирах. – Не допущу!

– Что ты сказал? – кричал в ответ Харальд, плохо слыша сквозь пьяный шум. – Кто не защищает свою честь? Я?

– Все знают, что вашего отца убили свеи!

– И мы отомстили за них, если ты не знал! Мы убили Ингви сына Сигимара и вернули наше родовое сокровище! Вот оно! – Харальд стучал кулаком по своей груди, где висела, поверх роскошных византийских одеяний, старинная золотая гривна. Древний северный мастер изготовил ее из трех соединенных между собой золотых жгутов, так что все вместе равнялось по ширине изящной женской ладони, а на жгутах были прикреплены небольшие,

отлитые из золота головки драконов. – Ты, верно, глухой и слепой, если ничего не знаешь об этом!

– Я не глухой! А вот вас, похоже, боги лишили памяти! – орал Альдхельм, опираясь для верности о край блюда с кабаном. – Я слышал, что вы давали обет вернуть землю, которой владел вас отец! Южную Ютландию и вик Хейдабьюр! А там по-прежнему правит Сигурд Кривобокий, сын Сигимара! Ваши кровные враги владеют землей вашего отца, и вы еще хотите делить кабана?

– Зато мы владеем вами! – не выдержал Рерик, который тем временем пробрался поближе и был готов прийти на помощь брату. – И не вам нас упрекать! Вы утратили власть над своей землей, вы потеряли своих богов, вами помыкали франки, а теперь вы опять под властью чужого короля! Не вам указывать, как нам исполнять свои обеты!

– А вы – двое нищих бродяг! – заорал Элланд, старший сын Альдхельма. – У вас вообще нет никакой земли! Ведь и Хейдабьюр ваш отец захватил, как вы захватили Дорестад, и сидел там, пока не пришел другой волк, позубастее, и не надрал ему задницу!

– Сейчас я тебе надеру! – рявкнул Рерик и бросился на Элланда.

К счастью, на пир все явились без оружия, но все же для того, чтобы растащить дерущихся, потребовались усилия пяти-шести человек, наиболее трезвых и разумных из всех присутствующих. Кое-кто порывался принять участие в драке, помочь своей стороне, но Орм Шелковый догадался позвать хирдманов из дружинного дома, которым вина не хватило, только пиво, и те с радостью, увидев в этом новое развлечение, вытолкали пьяных и буйных гостей из гридницы. Причем кабану тоже досталось: в давке и толкотне блюдо опрокинулось, туша полетела на земляной пол. Короче, почетные части не достались никому, и Харальд, от злости протрезвев, велел изрезать кабана на мелкие кусочки и отослать в странноприимный дом. Пусть, дескать, бродяги сожрут то, что оказалось недостаточно хорошо для знатных эделингов!

– Ты с ума сошел! – охнул Рерик, услышав это распоряжение, и даже отнял кусок сырого мяса от зреющего на скуле синяка. – Кабана, посвященного Фрейе – бродягам!

– Я, чтоб ты знал, христианин! – огрызнулся Харальд, так кстати вспомнивший об этом. – И ты, между прочим, тоже. А христианские конунги всегда кормят бродяг со своего стола и даже со своего блюда!

Он кивнул на Теодраду. Это она как-то рассказывала им о благочестивой и святой королеве Батхильде: каждый вечер за ужином та наполняла свое блюдо едой и отсылала раздать ее нищим.

– Что же она – ложилась спать голодной? – спрашивал Рерик.

– Да. А если ей не удавалось заснуть, она молилась.

– Мы тоже сегодня не заснем, – продолжал Харальд. – Зато кое-кто заснет навеки. Если я не подходящий конунг для Альдхельма и его семейки, то пусть отправляются к Одину! Их давно там дожидается их любимый кюнинг Радбод!

Хоть и вспомнив внезапно о своем крещении, с врагами Харальд собирался поступить именно так, как это было принято у гордых и злопамятных древних вождей Севера. Как, например, их предок, Ивар конунг, по прозвищу Широкие Объятия, поступил со своими врагами из свейского рода Инглингов.

И теперь уже Теодрада, с трудом поняв, что он задумал, в ужасе ахнула вслед за Рериком:

– Ты сошел с ума!

Рерик был зол не меньше, тем более что Элланд успел разбить ему губу, а нарядная далматика из голубого шелка с золотым шитьем оказалась порвана. За одно это с Элланда сына Альдхельма можно было взыскать немалые деньги. Аббат Бернульф, спешно прибывший в графский дом, советовал созвать уважаемых людей для разбирательства в соответствии с «Речами Фосити», древнейшим сводов фризских законов. Но Харальд только угрюмо бормотал что-то вроде «будут им речи Фосити»!

– Я больше не намерен терпеть этого надменного дурака! – гневно говорил Харальд, когда столы из гридницы вынесли, рабы собрали рассыпанные объедки, а на скамьях устроились ярлы и наиболее уважаемые хирдманы. Все были не вполне трезвы, но, поскольку пир прервали на взлете, набраться до бесчувствия никто не успел. Некоторые облили себе головы холодной водой, чтобы побыстрее прийти в разум, и теперь приглаживали мокрые волосы. – Все два года, с тех самых пор как мы здесь появились, он мутит воду, настраивает людей против нас, то и дело поминает этого своего Радбода, он уже у меня поперек горла стоит! Но такую наглость я уже не могу ему простить! Надо было своими руками убить гада прямо здесь, если бы не эти тряпки! – Он взмахнул руками, имея в виду, что в тяжеленных, многослойных, густо раззолоченных праздничных одеждах даже шевелиться трудно. Теперь он уже от них избавился и был одет в обычную рубаху из темно – красной шерсти. – Он оскорбил нас прямо в нашем доме, на пиру! Если мы им это спустим, то нам начнут плевать в лицо прямо на торгу!

– Я давно подозревал, что Альдхельм что-то задумал. – Торир Верный кивнул. Бывший воспитатель Харальд и Рерика сейчас был уже стар, в море больше не выходил, занимаясь в основном обучением дренгов, но оставался советчиком обоих братьев. – Помнишь, Рери, я тебе говорил? Сегодня Альдхельм спьяну проболтался, но такие мысли у него были всегда, готов поставить хоть мой амьенский пояс.

– Похоже на то! – Орм Шелковый, веселый человек лет тридцати, почти всегда улыбавшийся, сейчас выглядел серьезным и с неудовольствием хмурил светлые брови. – Этот гаденыш на пиру голову потерял, но между своими он постоянно такие речи ведет.

– Больше ему таких речей вести не придется, – мрачно пообещал Харальд. – Мы сегодня ночью сожжем его вместе со всем домом.

– Ты уверен? – Рерик взялся за подбородок, но тут же отдернул руку – болела разбитая губа. – Что стоит это делать?

– Я уверен, что больше я не намерен глотать оскорбления.

– Но ты понимаешь, к чему это приведет? Мы не в лесу, здесь целый вик.

– Другие дома могут загореться, и опять выгорит все поселение, – вставил Торир. – И мы останемся на пожарище.

– И здесь полно фризов, – подхватил Рерик. – Если мы это сделаем или даже попытаемся сделать, они тут же возьмутся за оружие и набросятся на нас.

– У нас пятьсот человек!

– Триста. Гейр в море.

– И трехсот хватит. Мы сожжем его быстрее, чем они смогут опомниться и протрезветь, а без Альдхельма фризы не посмеют выступить.

– Думаю, ради мести за Альдхельма, потомка их любимого Радбода, они очень даже посмеют выступить. А у Альдхельма есть еще родня в терпах. У него отец живет где-то на море, там его старший брат и еще полно всякой родни. После этого нам самим придется каждую ночь выставлять стражу возле своей усадьбы, чтобы однажды не проснуться от запаха дыма.

– А наутро мы отправим людей в терпы и сожжем его родню тоже!

– Мы не сможем отсылать часть своих людей, что ты говоришь! Фризы воспользуются этим всем как предлогом, чтобы перебить нас! Пока у короля Лотаря хватает других забот, они спят и видят – избавиться от его власти и снова жить сами по себе! Альдхельм – готовый король. Удивляюсь, честно говоря, что ни император Карл, ни его потомки не извели этот род под корень. Они так и будут ждать удобного случая…

– Больше ничего им ждать не придется. Сегодня ночью с ними будет покончено, и пусть король Лотарь наконец скажет нам спасибо.

Этот замысел, как и любой, порожденный гневом и обидой, был весьма безрассудным, но отговорить Харальда не удалось. Впрочем, ярлы, с сомнением переглядываясь и почесывая в бородах, не слишком сопротивлялись. Род Альдхельма был весьма богат и вел тор-

говлю самыми дорогими товарами: через ободритский Велиград он скупал меха, привозимые с Севера и из вендских земель, а взамен поставлял северной и франкской знати византийские шелка и роскошные одежды. У него было чем поживиться. Поэтому единственное серьезное возражение, которое возникло у дружины, огласил Эгиль Кривой Тролль:

– Послушай, Харальд конунг, я может, мы как-нибудь еще с ними разберемся? – И он выразительно провел ребром ладони по горлу. – Если жечь, то с ними все богатства в доме сгорят, а нам они бы тоже пригодились.

– Серебро не сгорит, только оплавится, – хмыкнул Оттар ярл, носивший прозвище Епископ – норвежский морской конунг, приставший к сыновьям Хальвдана во время их похода во Франкию.

Немолодой, с рыжей бородой и длинными волосами, заплетенными в лохматую косу, в полосатых широких штанах, он и на пир явился в своей любимой рубахе, рыжевато-коричневой и заношенной – к роскошным византийским одеждам он был вполне равнодушен. После пира и драки его несколько опухшее лицо раскраснелось, костяшки пальцев были сбиты, а к себе он бережно и с любовью прижимал роскошный черный фризский кувшин с узором из тонкого оловянного листа, полный пива. Прозвище Епископ он получил вовсе не за христианское благочестие – когда сыновья Хальвдана и дружина крестились, он отказался следовать их примеру – а за епископский золотой перстень с густо-лиловым аметистом, добытый в каком-то из давних походов, еще до встречи с Рериком. А также за своеобразное почтение к британским и франкским епископам, выражавшееся в убеждении, что более хитрых сволочей их бог не создавал.

– А вот шелка и самиты всякие, оно конечно, погорят все… – продолжил он и опечаленно вздохнул, искренне сожалея о грядущей гибели хороших вещей.

– К троллям шелка! – рявкнул Харальд. Его оскорбленное самолюбие требовало немедленной расплаты, и он не мог ни о чем сожалеть, кроме малейшей отсрочки. – Пусть Альдхельм хоть повесится на своих шелковых шоссах.

– Там пришел один этот… – В гридницу заглянул Хрут Голодный, хирдман из десятка, который Рерик послал на всякий случай нести дозор у ворот конунговой усадьбы. – Ну, из фризов. Орм ярл, твой родич то есть. Пускать?

Пришел Ирмунд, мобиль, отец Ормовой жены Рагенфредис. Фризы были не менее рассержены и встревожены событиями на пиру, и родичи прислали его разузнать, в каком настроении граф, и попытаться что-то предпринять для умиротворения страстей. Для норманнов не было тайной, что среди фризов бытуют разные мнения и взгляды на их правление. Часть из них считала, что норманны обеспечивают безопасность их жизни и имущества, способствуют процветанию торговли, поэтому с ними следует по возможности ладить. Другая часть, в основном из более древних и знатных родов, полагала, что нужно стремиться к тому, чтобы сбросить чужое господство, норманнов ли, франков ли, саксов ли, и возродить к жизни свободное и могущественное королевство фризов. Ведь еще до того, как господство на морях захватили выходцы из северных стран (фризы обычно называли их всех скопом данами, хотя каждый из «людей датского языка» еще помнил о своей принадлежности к одному из многих десятков различных племен), оно принадлежало фризам, и именно они славились искусством как торговли, так и мореплавания. А поскольку и сейчас благосостояние фризов основывалось по большей части на торговле, сторонники норманнского покровительства в основном удерживали верх. В Дорестаде всегда имелось достаточно дорогих товаров, которые при любой смуте страдают первыми, поэтому мир был выгоден всем.

Ирмунд пришел заверить графа Харальда, что он и его близкие – как родичи, так и фелаги[4] – очень сожалеют о досадной ссоре и заверяют графа, его брата и дружину в своем почтении и дружбе.

– Очень хорошо, – надменно ответил Харальд. Он вообще не хотел принимать Ирмунда, но Орм и Рерик уговорили его, желая знать, какие настроения царят сейчас среди их противников. – Значит, у меня чуть меньше врагов, чем я предполагал. И пусть никто не думает, будто меня можно напугать. Но я ценю твою преданность, Ирмунд мобиль. Пусть тот, кто не хочет ссоры со мной, держится в стороне. И тогда ему ничего не грозит.

– Но что ты собираешься предпринять, Харальд конунг? – Ирмунд, по лицу графа прочитав крайне недружественные замыслы, в целях умиротворения даже наградил его званием конунга, каковым тот себя и считал. – Ты же не думаешь…

– Я думаю то, что и должен думать достойный человек, не терпящий оскорблений! – не слишком определенно, но с мрачной угрозой отозвался Харальд. – А ты, Ирмунд, побудь пока нашим гостем. Орм, проводи мобиля к его дочери и присмотри, чтобы они спокойно и без спешки обсудили все свои дела!

Орм, выразительно подняв брови, знаком предложил растерянному тестю следовать за собой. Выйдя отсюда, тот непременно разнес бы по Дорестаду весть если не о замыслах, то о настроении графа, а Харальд хотел, чтобы его скорая и беспощадная месть стала неожиданностью для врагов.

В дверях Ирмунд столкнулся с Рериком, который уже был одет в простую повседневную одежду, а также в кольчугу и франкские наручи и поножи, которые норманны быстро перенимали (в том числе и просто отнимали) у побежденных врагов.

– Ну, тогда пошли! – бодро сказал он старшему брату. – Кто смел, тот не медлит. Чем меньше будем собираться, тем вернее выиграем.

Если уж отговорить Харальда не удалось, действовать следовало быстрее, пока фризы не опомнились и не породили схожий замысел. Быстрым и успешным ударом по усадьбе Альдхельма можно было лишить мятежно настроенных фризов вождя и отбить у прочих охоту ссориться с норманнами.

Из усадьбы вышли в темноте – пока дружина собиралась и обсуждала свои предстоящие действия, сумерки сгустились. Похолодало – шел только «ягнячий месяц», как его называли северяне, и апрель, как говорили христиане – но от вина и возбуждения всем было жарко. В распоряжении Харальда сейчас находилось около трехсот человек – остальные двести, то есть дружина Гейра ярла на его трех кораблях, сейчас была в море и сторожила ближайшие подступы к Дорестаду. Всю теплую половину года, время походов, эта мера была необходима, чтобы отпугнуть более слабых охотников до богатства чужих городов или хотя бы предупредить о появлении сильных. И хотя фризов, имеющих право носить оружие, в вике насчитывалось больше, это не смущало Харальда. Фризам еще предстояло собраться и вооружиться, а норманны были уже готовы.

– Чем больше думаю, тем больше убеждаюсь, что это все случилось вовремя, – бросил Харальд брату, который шел рядом с ним. – Если мы не оторвем голову Альдхельму сейчас, то очень скоро он попытается оторвать голову нам. И тогда это была бы неожиданность для нас. Но на свою беду этот козел безрогий спьяну проболтался. И теперь это все станет неожиданностью для него. Для нас все случившееся – к лучшему.

– Ну, есть чуть-чуть, – согласился Рерик. – По крайней мере, оскорблять нашего отца ни одна собака больше не посмеет. За это я никакого виргельда не возьму, и на суд эделингов никого вызывать не собираюсь!

[4] Фелаги – товарищи по торговой поездке, компаньоны

Оскорбления, брошенные Альдхельмом и его сыном Элландом, жгли душу тем сильнее, что в них содержалась кое-какая правда. Отец Харальда и Рерика, Хальвдан Ютландский, происходил из рода, который издавна владел островом Съялланд и иными ютландскими землями, и сам он незадолго до смерти успел обосноваться в Южной Ютландии и завладеть знаменитым виком Хейдабьюр, одним из крупнейших на северных морях. Вик в Слиа-фьорде, приносящий большую прибыть от торговых пошлин, издавна был предметом раздора могучих вождей. Лет сорок назад его захватил Годфред Датский, грозный и удачливый воитель, сумевший прибрать к рукам столько земель и городов, сколько удавалось немногим – разве что Ивару Широкие Объятия или Харальду Боевому Зубу. Его набегов боялись и венды, и франки, и фризы, и валлоны, и британцы. Сам могучий император Карл, не раз с ним воевавший, приглашал Годфреда на переговоры, предлагал союз – а тот даже не пожелал встретиться с императором, потому что мир с франками ему ничего не давал, а в своей способности наносить им новые удары он не сомневался.

После смерти Годфреда его владения в Южной Ютландии еще несколько раз переходили из рук в руки, на его юных сыновей даже снаряжал корабли сам король франков, и в конце концов этой землей завладел Хальвдан Ютландский. Но владеть ею ему досталось всего несколько лет. Явился новый враг – Сигимар Хитрый, вестманландец, которого поддерживал свейский конунг. В сражении с Сигимаром Хальвдан погиб, а его жена чудом сумела бежать, унося с собой двоих сыновей – одного трех лет от роду, а второго почти новорожденного.

Выросшие в Смалёнде, на родине матери, в доме ее брата Ингвара конунга, сыновья Хальвдана около трех лет назад дали обет отомстить роду Сигимара за гибель отца и вернуть свои родовые владения. С первой частью обета они справились – Ингви конунг, второй сын Сигимара, погиб во Франкии от их руки, и Золотой Дракон, родовое сокровище, потерянное Хальвданом, вернулось к его сыновьям. Что же касается возвращения Ютландии, то для этого они пока не набрали достаточно сил. Ведь из сыновей Сигимара Хитрого в живых оставалось пятеро, а их было только двое.

Однако и затягивать с этим нельзя. Шагая через темный Дорестад во главе своей дружины, Рерик думал о том, что своим бездействием они сами дают недругам основания не уважать их. Жить спокойно и смело глядеть в глаза кому угодно они смогут только после того, как станут конунгами Южной Ютландии и обоснуются в Слиаторпе, усадьбе возле Хейдабьюра, выстроенной Хальвданом для молодой жены Торгерд, в той усадьбе, где они с Харальдом родились.

А в Дорестаде стояла тишина. Домишки и усадьбы, беспорядочно разбросанные, соединенные дощатыми мостками между собой, с корабельными сараями или складами, затаились, погасив огни. Весьма вероятно, что под многими крышами у очагов произносились гневные речи и вынашивались замыслы мести за то, что норманны в шею вытолкали знатных эделингов с жертвенного пира. Но выступить прямо сегодня фризы были не готовы, и в этом норманны, привыкшие жить в постоянной готовности к действию, имели перед ними преимущество.

Подолы кольчуг и бронзовые наконечники ремней бились о края щитов, позвякивая и постукивая, и этот хорошо знакомый звук каждого из хирдманов настраивал на бой. Скрипели под ногами деревянные мостки, хлюпала под башмаками вода в лужах, оставшихся от недавнего дождя. За два года, прожитых в этом вике, на памяти Рерика не выпало, кажется, ни единого дня без дождя – что зимой, что летом. Вот и сегодня моросило с утра, когда они приносили жертвы у источника Фроувы, и мелкие капли ползли по золотому шитью роскошных накидок. Сейчас воздух был насыщен влагой, но не капало. И это хорошо. Погибнуть в бою очень легко, и даже капля воды, не вовремя попавшая в глаз, может решить твою участь.

Альдхельм со своим родом обитал в большой усадьбе, неподалеку от которой помещались целых два принадлежащих им корабельных сарая. У них имелся также собственный причал для коггов – торговых кораблей с плоским дном, что позволяло им прочно ставать на песок

во время отлива. Когги были изобретением фризов, которым они издавна гордились и даже помещали их изображения на свои монеты. Три или четыре склада и товаров и припасов располагались внутри усадьбы, за оградой. Конечно, на складах лежал товар, что попроще – лен, шерсть, более дешевые меха, посуда. Шелка и серебро, само собой, хозяева держали в доме. Жаль, если все это сгорит! – вслед за хирдманами вздохнул про себя Рерик. Но Харальд прав – честь дороже каких-то тряпок.

Усадьба была окружена частоколом из толстых бревен, но для дружины частокол преграды не составлял. Цепляя топорами за верхний край, подставляя друг другу спины и плечи, норманны довольно быстро стали перебираться во двор. Оказавшись за оградой, они отперли ворота изнутри. И когда из полуземлянки в углу – девичьей – выглянула служанка, привлеченная шумом, двор уже был заполнен вооруженными людьми. Раздался крик, дверь хозяйского дома приоткрылась было, но так быстро захлопнулась, что даже Рерик со своими хирдманами, ждавший этого с оружием наготове, не успел ничего предпринять.

Жаль. Если бы удалось ворваться в дом, то имущество могло бы уцелеть.

Часть дружины осталась снаружи, на случай если фризы соберутся с силами и попытаются прийти на помощь потомкам своего древнего кюнинга. Харальд подошел к двери хозяйского дома и постучал в створку обухом секиры.

– Слышишь, Альдхельм! – позвал он. – Или спишь мертвецким сном? Если так, то проснуться тебе уже не придется. Если я для тебя недостаточно хороший конунг, то отправляйся к своему Радбоду! Если кабан, разделенный моей рукой, тебе не нравится, то будешь есть мясо Сэхримнира на пиру у Одина! А заодно расскажешь там всем, что Харальд сын Хальвдана никому не позволяет оскорблять себя безнаказанно!

За дверью слышался неясный шум, приглушенный толстыми досками. Еще пока он говорил, хирдманы споро принялись таскать разный горючий материал, найденный здесь же в усадьбе – торф из сарая, сено и солому из хлева. Торфом, соломой и хворостом обкладывали стены, обливая их принесенной смолой, и Эгиль Кривой Тролль уже выбивал огонь, а Грим Соленая Борода держал над ним полу своего плаща, чтобы защитить искры от влажного ветра с каплями дождя. Запалив несколько факелов, приготовленное горючее подожгли сразу с нескольких сторон. Влажное топливо разгоралось неохотно, валил густой душный дым, норманны закрывали лица полами плащей и кашляли. Даже сам Харальд хмурился и отворачивался. Но у него имелось утешение, делавшее этот душный вонючий дым почти сладким: Альдхельму и его людям внутри дома придется сейчас еще хуже.

– Я скажу, чтобы женщины выходили, – к нему подошел Рерик, протирая слезящиеся глаза. – Уже пора, а то поздно будет.

Прогревшаяся наконец охапка хвороста ярко вспыхнула, осветив лица обоих братьев. Блики пламени заиграли в металлических частях оружия и снаряжения, по умбонам щитов и обухам секир побежали кровавые отблески.

Харальд кивнул. Тот же обычай, что требовал платить врагу за оскорбление огненной смертью, предписывал выпустить из дома женщин и рабов. Эти ведь не имеют полных прав, но и отвечать за дела мужчин и хозяев не могут.

Рерик в свою очередь кивнул Эгилю, и тот заорал во всю свою могучую глотку, перекрывая треск разгорающегося пламени:

– Эй, вы, в доме! Пусть выходят женщины и рабы! Их не тронем! Пусть выходят, если хотят жить!

Пространство перед дверью оставили свободным от огня. Некоторое время дом не подавал признаков жизни, пламя разгоралось, и норманны уже стали думать, что никто не выйдет, когда дверь приоткрылась.

Первой, кашляя и прижимая к лицу край головного покрывала, на волю выбралась грузная старуха. Она шаталась и переваливалась на толстых ногах – видимо, от дыма закружилась

голова. Судя по хорошей одежде, ключам на поясе и ожерелью из цветных стеклянных бусин с подвесками из монет, это была мать Альдхельма, хозяйка дома. Неуверенно шагая, словно слепая, старуха кашляла и делала такие движения рукой, будто пытается ухватиться за воздух. Второй вышла молодая стройная девушка, тоже с наспех наброшенной на голову тряпкой, надо думать, для защиты от дыма. Она тут же кинулась к старухе и подхватила ее, пытаясь удержать, но сил не хватило, и они обе едва не упали. Потом вышли еще несколько женщин, за ними рабы. Окружив старуху и девушку, они сбились в кучу и дико озирались, не зная, что их ждет. Разгоравшийся огонь гнал их прочь от дома, но темная толпа вооруженных норманнов, кровавые блики на оружии приводили в ужас.

Харальд кивнул Орму. Тот подошел и осмотрел толпу, выискивая, нет ли среди них мужчин, переодетых женщинами, или знатных, переодетых рабами. Толстая старуха что-то бормотала: то ли молилась, то ли проклинала. Девушка вдруг оторвалась от нее; старуха пыталась поймать ее за руку, но она отшатнулась, раздвинула толпу и подбежала к Харальду.

– Граф Харальд! – дрожащим голосом воскликнула она, протягивая к нему сложенные руки. – Во имя милосердного Бога! Пощади моего отца! Ни люди, ни Бог не простят тебе такого злодеяния! Как можно так жестоко наказывать за глупые слова пьяного человека!

Мокрую тряпку с головы она сбросила, и при свете пламени, уже ярко горящего под стенами, можно было видеть красивое лицо с правильными чертами, яркий пухловатый рот, длинные темные волосы. Среди фризов нередко попадались красивые люди – в глазах норманнов их несколько портили темные волосы, встречавшиеся здесь так же часто, как и светлые, но черты лица у многих были тонкие и приятные. Этой девушкой можно было бы залюбоваться, если бы она не напомнила Рерику Элланда, явное сходство с которым бросалось в глаза. Тот тоже был красивый парень с темными волосами. Вот еще рот бы держал на замке.

– Альдхельм получил то, что заслужил, – бросил Харальд, смерив ее взглядом. – А я не прощаю оскорблений.

– Но вы же люди! Вы же христиане! – Девушка обернулась к Рерику, ее тревожный молящий взгляд метался между ним и Харальдом. – Бог учит прощать врагов! Простите нас, и Бог простит вас – ведь вам есть за что просить его прощения! Неужели ваша гордыня вам дороже души, дороже Господня милосердия! Граф Харальд, граф Рерик! Я умоляю вас, пощадите моих родичей! Они больше никогда не будут оскорблять вас!

Упав на колени, она вцепилась в руку Рерика, который стоял ближе и к тому же казался не таким непримиримым, как Харальд. Рерик попытался отнять руку, но девушка повисла на ней, продолжая выкрикивать бессвязные мольбы. Рерик бросил взгляд на хирдманов рядом – отрывать девушку от себя силой ему было неловко, на душе стало нехорошо. Вальмунд и Гейр Лысый попытались вдвоем поставить дочь Альдхельма на ноги, но она уцепилась за Рерика обеими руками, будто он и был ее любимым отцом, кричала, плакала и не давала себя поднять. Рерик чувствовал себя глупо, ему было жаль девушку, а к тому же она не давала ему сойти с места, где становилось все жарче и жарче.

– Рерик! Харальд! – вдруг раздался рядом крик, и оба брата обернулись на знакомый голос. – Что вы затеяли, безумные!

Перед ними появился отец Хериберт – даже без накидки, в своем простом некрашеном обе, подпоясанном веревкой. Рослый и худощавый, от волнения сильнее обычного дергая головой, что придавало ему сходство с лошадью, он непрерывно мигал левым глазом, что выглядело бы смешно, если бы норманны не были хорошо с ним знакомы и не знали, что все это у него обостряется в часы сильного волнения и даже потрясения.

– Графиня Теодрада известила меня, но я даже ей не мог сразу поверить! – продолжал отец Хериберт. – И я не верю своим глазам! Что вы здесь затеяли, безумцы! Вы, христиане, пошли на поводу у дьявола! Немедленно прекратите! Скорее, пока не поздно, пока не лег на ваши духи тяжкий грех убийства многих невинных людей!

– Отойди, поп! – рявкнул Харальд. – Я в твоих советах не нуждаюсь! Ступай в свою церковь и там учи, а я со своими делами разберусь сам!

При виде поддержки, да еще и самого духовника графской семьи, девушка закричала еще громче, снова стала сыпать бессвязными мольбами.

– Рерик, сын мой, опомнись! – будто ее было мало, приступил уже к нему Хериберт. – Разве этому я тебя учил? Разве для того вы принимали святое крещение, чтобы следовать самым жестоким, самым бесчеловечным из языческих обычаев! Подумай о своей душе! Подумай, что о вас скажут в королевских семьях, в родстве с которыми вы состоите!

У Рерика мелькнула мысль о короле Лотаре – потом о Карле – а потом о сестре обоих, Гизеле. И тут он не выдержал. Будущий гнев королей его не слишком волновал, но Гизела придет в ужас, когда узнает об их сегодняшних делах. И наверняка пожалеет о том, что была с ним так приветлива. Она будет считать его кровожадным варваром, устыдится своей прежней дружбы с ним. И особенно того, что случилось во время ее тогдашнего приезда во Фландрию… Она просила его не обмануть ее доверия – тогда Рерик считал, что она имеет в виду молчание, и молчал, не откликаясь даже на намеки лучших друзей. Но сейчас он вдруг понял, что обязан ей не только молчанием – но и поведением, таким, чтобы ей было за него не стыдно.

– Харальд! – резко оторвав от себя плачущую девушку, Рерик шагнул к брату. А девушка, тонким женским чутьем уловив перемену в его настроении, больше к нему не липла и даже затихла. – Харальд, он прав. Мы вообще не сможем оставаться здесь, если сожжем этих уродов! Король Лотарь не простит нам такого самоуправства в его владениях.

– К троллям Лотаря! Нам будут плевать в лицо, а мы – утираться? Да лучше нам вернуться во Фландрию или в Смалёнд, чем такое терпеть!

– Но предложи им хотя бы сдаться! Может, им уже хватило, может, от дыма у Альдхельма вправились мозги! Если он признает свое поражение, то мы выиграем даже сильнее, чем если бы убили его!

Харальд был не только мстителен и тщеславен, но и далеко не глуп, поэтому справедливость этого довода и свои возможные выгоды осознал довольно быстро.

– Скажите им там! – крикнул он хирдманам, не желая подходить к дому, чьи стены уже были охвачены языками пламени почти до крыши. – Пусть передадут Альдхельму! Я прощу его, если он выйдет из дома без оружия, с поясом на шее, положит голову мне на колени и признает меня своим конунгом отныне и навеки. А иначе дом будет сожжен!

Наблюдая за домом, Рерик краем глаза заметил, как из темноты в круг огненного света вошла Теодрада. С ужасом оглядываясь вокруг, она не решалась даже обратиться к мужу. Заметив девушку, которую утешал Хериберт, она подошла и обняла ту, и девушка прижалась к ней, вздрагивая всем телом. Ее била дрожь, она рыдала без остановки, видимо, от потрясения. А Рерик снова подумал, как вовремя попытался исправить дело. Уж само собой, Теодрада обо всем поведала бы матери. И графиня Гизела никогда больше не приехала бы их навестить. И никогда бы она больше не думала о нем, Рерике, хорошо. Его собственная мать, фру Торгерд, или двоюродная сестра Хильда, или бабка, старая королева Рангхильд, оставшиеся в Смалёнде, полностью одобрили бы действия Харальда. Им чужды понятия греха или милосердия к врагам, зато они хорошо помнят старину мудрость, гласящую, что за бесчестьем и беда тут как тут. И что кровью обидчика смывать оскорбления – самое верное средство обезопасить род от потери удачи. Той удачи, которая не задаром досталась сыновьям Хальвдана.

Но эти женщины – Теодрада, Гизела, даже вот эта, темненькая, что рыдает сейчас в объятиях правнучки Карла Великого, – христианки и выросли в совсем других понятиях. То, что для норманна слабость – для них подвиг милосердия, прямо-таки обязанность благородного человека. Гизела будет довольна, если они простят подлеца Альдхельма. И это, пожалуй, достаточная причина для того, чтобы его простить. Ну, хотя бы пока…

Рерик никогда не считал себя хорошим христианином – слишком сложно христианские взгляды и обычаи приживались в его душе, взращенной в совсем других понятиях и ценностях. Лишь благодаря его привязанности к графине Амьенской он иногда пытался поступать как христианин – словно издалека заимствовал ее благочестия, хотя совсем не осознавал этого.

Услышав слова Харальда, девушка вдруг вырвалась из объятий Теодрады и бегом ринулась в горящий дом! Теодрада вскрикнула, даже мужчины вокруг охнули в изумлении. Казалось, от пережитого дочь Альдхельм тронулась умом и решила погибнуть, подобно королевам древности, заодно с мужчинами своей семьи.

Но девушка вовсе не собиралась погибать – она лишь побоялась, что в доме не услышат и не поймут речи норманна, а с тем упустят случай спастись. Зажимая руками рот, она исчезла в дыму, но довольно скоро появилась снова, почти волоча кого-то за собой. Шатаясь от недостатка воздуха, хрипя, мужчина с трудом сделал несколько шагов вслед за ней на полусогнутых ногах, а потом рухнул на мокрую землю. Стены дома, построенные из двух рядов толстых досок, вкопанных в землю, и с землей же, заполнившей пустое пространство между рядами, разгорались крайне неохотно, поэтому внутри дома огня еще не было, но и воздуха почти не было тоже. Харальд кивнул, и человека подтащили к нему. Это оказался сам Альдхельм. Его приподняли, чтобы Харальд мог взглянуть ему в лицо. Эделинг ловил воздух широко раскрытым ртом, кашлял так, что, казалось, его сейчас вывернет наизнанку, мотал головой и жмурил глаза, почти съеденные дымом. Позади него, на площадке перед дверью уже копошилась целая куча полуживых тел – люди рвались на воздух, давя друг друга, но, оказавшись снаружи, не имели сил даже отойти. Хирдманы растаскивали их, давая возможность выбраться тем, кто еще оставался внутри.

– Ну, ты осознал, с кем связался? – злобно спросил Харальд, обухом секиры приподняв подбородок Альдхельма. Тот закивал, хотя едва ли понимал, что ему говорят. – Ты понял, кто твой конунг, кто господин твоей жизни и смерти? Клянись почитать меня и повиноваться мне, как самому Радбоду, иначе я тебя живо отправлю обратно туда! – И он взмахом показал на пылающие стены.

– Клянусь! – прохрипел Альдхельм. – Пощади, кюнинг Харальд… Я клянусь… почитать тебя… пока мы оба живы!

– Поклянись богами!

– Клянусь милосердным Христом… клянусь Фроувой и Фосити…

– Запомни этот день! Ладно, погасите! – крикнул Харальд хирдманам.

И те охотно принялись за дело. Им гурьбой бросились помогать фризы, сбежавшиеся со всех сторон на шум, блеск огня и запах дыма: никому ведь не хотелось, чтобы пламя перекинулось на другие дома и выгорел весь Дорестад. К счастью, постройки вика была беспорядочно разбросаны на пару миль вдоль Рейна, между ними оставались значительные промежутки, и при влажной погоде искры и отлетающие головни гасли, не достигнув соседних строений. Фризы гудели и волновались, но тушение пожара сейчас было задачей первостепенной важности. Длинными жердями они разбивали сложенные груды хвороста, растаскивали огонь, рабов послали таскать воду из ближнего ручья и заливать пламя.

– О милосердные боги, пошлите нам дождя! – обратился к темному небу Рерик, безумно от всего этого уставший. – Хоть один раз это будет кстати!

И небо почти немедленно откликнулось на него просьбу: дождь, который мог помешать их жестокому замыслу, пошел именно сейчас, когда стал нужен. Совместными усилиями людей и стихии пламя удалось погасить. Стены сильно пострадали: внешний слой досок сгорел, а внутренний обуглился, земля рассыпалась, так что стена зияла сквозными прорехами, но внутрь пламя почти не проникло, и крыша только тлела. Под предлогом помощи тем, кто мог остаться внутри, норманны заполнили дом и, кашляя, под прикрытием дыма разобрали все,

что попалось под руку. Но хозяева даже этого не заметили: самым драгоценным сокровищем им сейчас казался прохладный, свежий воздух весенней ночи.

Глава 2

Уже наутро к графу явился аббат Бернульф. Прошедшей ночью он не посмел вмешаться, опасаясь разделить участь неосторожного и невоздержанного на язык Альдхельма, но теперь, когда страсти поутихли, а хмель и гнев окончательно выветрились, явился, надеясь водворить в вике мир и благожелательность.

– Моими устами все достойные люди Дорестада просят тебя угасить гнев и принять их мир и дружбу! – говорил он. – Надлежит христианину иметь мир со всеми, ибо Господь говорил: «… любите истину и мир». Имей милосердие, ибо Господь предписал: «будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» и в другом месте: «… блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Будьте сострадательны, по слову апостольскому: «Будьте добры друг к другу, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил нас». Также и род Альдхельма умоляет тебя предать забвению вражду и в подкрепление к их вчерашней клятве принять от них подарки во искупление тех неосторожных слов, о которых он всей душой сожалеет. Я, со своей стороны, как служитель Божий, призываю тебя изгнать из сердца вражду и наполнить его милосердием, как и подобает доброму христианину. Ведь власть дана тебе Богом, который все создал и всем правит, чтобы ты утверждал на земле его заветы, а не подавал пример жестокости и злобы. Ты готов принять их?

– Пусть обождут, – надменно ответил Харальд. – Я хочу, чтобы сюда явились другие эделинги и мобили. Я хочу, чтобы они присутствовали при нашем примирении.

Альдхельму с братом и сыном, которые уже ждали во дворе, пришлось подождать еще какое-то время. Постепенно в гриднице собралось еще человек десять знатных фризов: аббат Бернульф заверил их, что им ничего не грозит, да и любопытно было увидеть, чем же все кончится. Наконец Харальд распорядился впустить Альдхельма.

Сегодня тот имел уже не такой гордый вид и едва смел поднять глаза на норманнского конунга. Его родичи выглядели не лучше, и только женщины смотрели на графа во все глаза, пытаясь понять, чего им ждать от него теперь.

Принесенные подарки состояли из нескольких дорогих одеяний, плащей и накидок, украшенных самой дорогой тесьмой, изготовленной в византийских геникеях – шелковой с золотом и мелкими самоцветами. Также были принесены несколько кубков и большое позолоченное блюдо.

– Надо же, не все сгорело! – хмыкнул Харальд. – Только вот гарью от этих вещей несет так, что хоть нос затыкай. Да и сами вы тоже попахиваете… Э, Альдхельм эделинг! Да у тебя, кажется, борода обгорела! Надеюсь, она будет напоминать тебе о том, как опасно ссориться со мной! – окончил он под смех своих хирдманов.

– Я никогда не забуду этих дней, Харальд кюнинг, – бегло глянув на него и снова отведя глаза, ответил Альдхельм. – И мой род никогда не забудет.

– А чтобы вы лучше помнили, кое-кто из твоего рода пока останется у меня, – продолжал Харальд. – Чтобы ты случайно не забыл твои вчерашние обеты. У меня в доме останутся твои дочери, а еще я заберу кое-кого из семьи твоего дяди Эвермода. Того, что живет в маршах и является настоящим главой вашего рода, я ведь не ошибся?

Альдхельм изменился в лице. Он сам от рождения жил в Дорестаде, но истинным главой рода считался его дядя, старший брат отца, проживавший у моря, на родовом терпе. Ландоальд, отец Альдхельма, когда-то перебрался в вик, чтобы удобнее было вести торговлю, поскольку земельной собственности ему, как младшему, не полагалось. Даже если бы вся семья Альдхельма погибла этой ночью, за них было бы кому мстить. К утру Харальд вспомнил об этом и решил обезопасить себя и с этой стороны.

Его дочери, услышав слова Харальда, побледнела и прижалась к своей матери. Кроме той темноволосой девушки, что вчера пыталась спасти своих родичей, среди женщин семьи оказались еще три девочки – подростка, лет где-то от четырнадцати до десяти. Старшей на вид было лет шестнадцать, и при свете дня, поуспокоившись, она выглядела еще красивее. Тем более что для посещения графа ее одели в настоящую византийскую столу – из драгоценного фиолетового самита с золотыми узорами в виде диковинных птиц. По франкскому обычаю, подол был приподнят, заложен в красивую складку и заколот золотой булавкой, а пояс так плотно покрывали золоченые бляшки и стеклянные бусины, что казалось удивительным, как он вообще сгибался. На непокрытой темноволосой голове лежал венок из белых подснежников, придававший девушке сходство с одной из богинь весны, которых вчера чествовали норманны и фризы.

– Насчет моей дочери… моей старшей дочери Рейнельды, – прокашлявшись, заговорил Альдхельм и бросил взгляд на темноволосую, показывая, о ком идет речь. – Я думал о ней… Я хотел предложить тебе, граф Харальд… Если будет на то твоя воля… В знак моей дружбы, по… покорности и воли к примирению… Не будет ли твоей воли на то, чтобы твой брат, граф Рерик, взял мою дочь в жены? Если и его воля тоже… Моя дочь – королевского рода и достойна вас, а я даю за ней такое приданое, что даже иному королю было бы не стыдно…

Рерик в изумлении поднял брови, но промолчал, пока не зная, как оценить такое предложение.

– Я подумаю, – надменно ответил Харальд, окинув быстрым взглядом озадаченные лица ярлов, а также обоих аббатов, которые одинаковым жестом молитвенно сложили руки. – И объявлю тебе свое решение. Но до тех пор твоя дочь останется у меня.

– Я прошу тебя, граф Харальд! – высокая женщина средних лет, жена Альдхельма, шагнула вперед, умоляюще глядя на норманна. – Будь милосерден к нашей дочери – ведь она знатного рода, благочестива, она ни в чем не виновата перед тобой. Ты не допустишь, чтобы честь ее пострадала…

– Не волнуйся, госпожа Амальберга, твоей дочери не будет причинено никакого вреда! – вместо мужа ответила Теодрада, и на ее лице сейчас было то выражение решимости, которое оба брата уже хорошо знали. – Я обещаю тебе это.

– Благослови тебя Бог, госпожа графиня! – Амальберга прижала руку к груди. – Я поручаю мою девочку тебе… и милосердному Господу.

Подарки, и впрямь попахивающие дымом, Харальд все-таки принял, хоть и смотрел на них с презрением, будто на кучку сношенных тряпок. Четырех дочерей Альдхельма Теодрада увела в девичью – отдельное помещение в углу усадьбы, просторную полуземлянку, где жили ее служанки и занимались разными женскими работами. Уходя, Рейнельда все оглядывалась на Рерика, и он провожал ее глазами. Мысль жениться, да еще и на дочери Альдхельма, для него была полной неожиданностью, и он никак не мог решить, нравится ему это или нет. По крайней мере, сама Рейнельда возражений не вызывала. Знатного рода, богатая невеста, она вполне годилась продолжить род конунгов. В самом расцвете, не увядшая, но и не слишком юная – Рерику не нравился обычай знатных франков выдавать замуж двенадцатилетних девочек, которые в первый же год умирают родами, а если выживают, то к тридцати превращаются в беззубые развалины. Графиня Гизела – редкое исключение, да и то потому, что родила только двоих детей. А не как королева Гильдегарда, любимая жена Карла Магнуса, которая на двадцать шестом году жизни умерла, будучи матерью одиннадцати детей, которые буквально выжали ее без остатка. А Теодрада, в четырнадцать лет перенесшая неудачные роды, больше, по-видимому, детей иметь не будет. И именно поэтому, как понимал Рерик, его собственный брак приобретает для будущего рода определяющее значение. Христианину допустимо иметь только одну законную жену, а передать наследие рода детям какой-нибудь рабыни-наложницы Харальд не сможет. Конечно, многие короли по старой памяти еще наделяют детей от налож-

ниц, как и от законных жен, но церковники клеймят таких детей позором и отказывают им в правах на уважение. Значит, все, что они завоевали и еще сумеют завоевать, достанется детям Рерика. Ну, что же. Красивая и здоровая по виду, Рейнельда выглядела вполне достойной стать матерью будущих внуков Хальвдана Ютландского. А если дети унаследуют ее смелость, то Альдхельма, пожалуй, можно будет поблагодарить за такую дочь.

Но знакомиться с возможной невестой и размышлять о своем будущем Рерику было некогда. В этот же день он во главе своей дружины отправился в марши – на родовой терп Эвермода, дяди Альдхельма. С ним было около ста человек. Даже если Эвермод вздумает противиться, этого хватит. Но Рерик надеялся, что до драки дело не дойдет – в нынешних условиях они не могли себе позволить терять людей. В этом отношении он надеялся на аббата Бернульфа, который тоже ехал с ним. Аббат Сен – Ломэ тоже состоял с Альдхельмом и Эвермодом в отдаленном родстве, и поэтому от него там будет больше пользы, чем от пришельца Хериберта.

Рерик уже не раз бывал на побережье, но не уставал удивляться тому, насколько Фризия не похожа на лесистый Смалёнд, в котором выросли сыновья Хальвдана. Берега Фризии были очень низкими, пологими, и медленно-медленно повышались на протяжении десятков «роздыхов» вглубь. Эта прибрежная полоса называлась у фризов маршами. Со стороны моря марши неприметно переходили в так называемые ватты – почти такие же песчаные поля, но появлявшиеся на свет только во время отлива. Во время штормов ветры загоняли морскую воду очень далеко на сушу – даже на пару дневных переходов. Вдоль берега тянулись продольные песчаные дюны, отгородившие море от суши. Ил, который несли в море могучие фрисландские реки – Рейн, Эмс, Вехт, Шельда, Маас, Везер, – задерживался на песчаных валах, и постепенно там образовывались пышные луга с солоноватой травой. Для земледелия здесь было слишком влажно, но скотоводством фризы занимались издавна. Между маршами и основной частью суши тянулись торфяные болота, из которых жители лишенной леса страны добывали себе топливо.

На маршах предки нынешних фризов стали селиться, как рассказывали, еще в те времена, когда сами боги сходили на землю, то есть больше тысячи лет назад. Они разводили скот на пышных влажных лугах, удавалось здесь выращивать лен, ячмень или овес, но пшеница или рожь на переувлажненной соленой почве расти не хотели. Поэтому жители маршей издавна вели обширную меновую торговлю с жителями глубинных берегов, занятых земледелием. Этим они отличались от многих других народов, которые и сейчас еще производили все необходимое для жизни в собственном доме и покупали разве что соль. А для фризов торговля с самых древних времен была основой существования, потому они и преуспели в ней раньше всех прочих. По крайней мере, в этой части обитаемого мира.

Для защиты от наводнений жители маршей уже много веков назад начали создавать искусственные насыпи – их называли «верде». На вершинах насыпей и располагались терпы, то есть поселения, но постепенно этим словом стали обозначать и сами насыпные холмы. Терпы были поистине основой существования прибрежных фризов, потому что иначе их самих, их дома и хозяйства постоянно смывало бы в море. Больше всего их было возле источников пресной воды, возле проток, рек и ручьев, служивших дорогами. Иной раз море, разъярившись, все же пожирало холмы, созданные неустанным трудом поколений, и люди уходили, чтобы где-то поодаль создать новый терп. А когда море отступало, на покинутых холмах снова появлялась жизнь.

По пути Рерик с дружиной проезжал мимо флаков – так местные жители называли свои поселения, возникшие на наиболее высоких частях маршей, где не требовалось искусственно поднимать уровень почвы. Из-за недостатка места домишки теснились плотно друг к другу, и это казалось удивительным для смалёндцев, привыкших к тому, что от одного хутора до другого – день пути и все лесом.

Род Эвермода когда-то тоже занял такое безопасное возвышенное место, но с течением времени, спасаясь от подступающего моря, его предкам все же пришлось подгребать землю, создавая себе безопасный клочок суши. Сначала создавалась насыпь для каждого дома в отдельности, но потом отдельные терпы соединили валами, а пространство между ними засыпали землей – и получился большой, по местным меркам, родовой терп. Фризы по праву гордились своими трудами и не зря говорили, что своими руками создают свою землю. И они могли гордиться своим упорством и трудолюбием, благодаря которым теперь жили на плоской вершине рукотворной горы, подобно богам.

Завидев во главе приближающегося отряда аббата Бернульфа, обитатели терпа приготовились встретить пришельцев мирно. И все же на лицах людей, собравшихся на внутренней площадке у колодца, отражалась настороженность, тревога и враждебность. Дома стояли вдоль края площадки по кругу, и каждый состоял из двух частей, человечьей и коровьей, объединенных под одной крышей. Причем жилая часть была обращена вовнутрь, а коровья – наружу, таким образом, что навоз и прочее само собой утекало прочь с вершины холма. Дома такого рода строили предки фризов полторы тысячи лет назад, и потомки почти ничего в них не меняли, сохраняя старинные порядки и обычаи как самое драгоценное свое наследие. И, глядя на эту землю, буквально поднятую человеческими руками со дна моря, Рерик не мог не уважать народ, среди которого им досталось жить. Его собственные предки тоже существовали в неразрывной связи с морем, однако фризы не только сотрудничали, но и боролись с ним, как с чудовищем, постоянно пытающимся их проглотить – и не думали даже робеть или опускать руки в этой борьбе.

У колодца, который здесь был и источником воды, и местом поклонения древним богам, стоял сам Эвермод эделинг, глава рода. Старший родич Альдхельма был уже совсем стар, его задубевшее от жизни под ветрами и дождями лицо было покрыто морщинами, но глаза смотрели строго и твердо. Одет он был в самую обычную одежду из льна и шерсти, но и в ней выглядел величественно, будто король этой удивительной земли. Рерик уже однажды видел старого Эвермода, но сейчас посмотрел на него с совершенно новым чувством. Ведь если их замыслы осуществятся, то двоюродный дед Рейнельды станет и его родичем.

Впервые сейчас он сообразил, что через невесту из дома Эвермода приобретет родство с фризами, с их древним кюнингом Радбода, с самой этой землей. Станет здесь своим, пустит корни в эту влажную, просоленную морем землю, и дети его будут потомками тех, кто в течение многих поколений вытаскивал землю из моря… Это было все равно что самому родиться заново, в какой-то другой стране, среди иного народа. Все это мгновенно промелькнуло в голове, и Рерик опять не успел понять, хочет он этого или нет.

– Приветствую тебя на нашем терпе, граф Рерик, – сказал ему Эвермод. – Не пойму только, зачем ты привел с собой целое войско. Разве ты кого-то опасаешься на наших землях? Или сам кому-то угрожаешь?

– Надеюсь, что для моей дружины не найдется здесь дела, – ответил Рерик. – Но если бы ты знал, что случилось в Дорестаде, то не удивился бы моей осторожности.

– А то, что там случилось, имеет какое-то отношение ко мне? – Эвермод пристально и настороженно глядел на него из-под седых бровей. – Иначе ведь ты приехал бы к кому-нибудь другому.

– Это имеет отношение к вашему роду, а произошло все по вине твоего родича Альдхельма. Если ты пригласишь меня в дом, я расскажу тебе обо всем подробно.

– А могу ли я пригласить тебя в дом? – Эвермод нахмурился. – Можешь ли ты сидеть возле моего очага? Мы здесь, в маршах, привыкли ждать подвоха от судьбы, моря и людей.

Старик понимал, что едва ли норманнский граф, да еще с такой большой дружиной, посетил его по радостному поводу. А скрывать свои мысли не имел привычки. Поэтому и не спешил приглашать знатного гостя под крышу.

– Если все сложится удачно, то ты не просто сможешь, а обязан будешь и пригласить меня в дом, и оказать всяческое гостеприимство, как своему родичу, – выразительно намекнул Рерик. – Я надеюсь, что ты проявишь благоразумие и мы обо всем договоримся к общему удовольствию.

– О чем он говорит, Бернульф? – Эвермод перевел взгляд на аббата. – С каких это пор норманны стали нашими родичами?

– Пока не стали, – ответил отец Бернульф, зябко потирая руки под шерстяным шазюблем. Опять дул влажный ветер, несущий капли холодного дождя, и все с неприятным ожиданием поглядывали на серое небо. – Но могут стать. И чем быстрее ты, сын мой, пригласишь нас к очагу, тем меньше тебе придется мучиться от любопытства.

– Давненько у меня не бывало отцов лет на тридцать моложе меня самого! – Эвермод наконец хоть слегка улыбнулся. Аббат Бернульф, его какой-то четвероюродный племянник, был еще довольно молод, а к тому же невысок ростом, худощавого телосложения, светловолосый, и напоминал сердитого подростка. – Заходите. Только ты прости, граф, но в моем доме поместится не более пяти человек, так что всем твоим придется обождать снаружи.

Его дом, несмотря на знатный род хозяина, и впрямь был совсем не велик. Вокруг очага, устроенного в земляном полу, могли разместиться человек десять, поэтому, кроме самого Эвермода и его старших сыновей, с Рериком вошел только аббат и двое телохранителей – Эгиль Кривой Тролль и Асвальд Лосось.

Дети в семье Эвермода, как Рерик заметил, принадлежали к двум разным поколениям – и такое бывает внутри одной семьи. Трое или четверо старших – он не вполне был уверен, где сыновья, а где зять – были лет по тридцати или около того и уже обзавелись своими семьями. Но хозяйка, встретившая гостей, была ровесницей этим сыновьям, а четверо ее собственных детей находились в возрасте от двух до десяти лет. Причем по ней было видно, что ей предстоит через несколько месяцев снова родить, и Рерик с одобрением подумал, что старый Эвермод, как видно, от дел отходить не собирается.

– Так почему же мы с тобой должны оказаться в родстве? – сразу приступил к расспросам Эвермод.

– Потому что дела складываются так, что я, возможно, женюсь на дочери твоего родича Альдхельма, – ответил Рерик.

– Это какой же дочери? – удивился старик. – Разве у него дочери уже выросли? Мы ведь не какие-нибудь франки, и я ему не позволю отдавать замуж дочь, которая сама еще ребенок!

– Ах, сын мой, ты и не замечашь, как быстро идет время! – улыбнулся ему Бернульф. – Старшей дочери Альдхельма уже шестнадцать, и самое время подобрать ей подходящего мужа. Ведь сколько я ни говорил вам, что таким знатным людям было бы очень уместно основать наконец в наших краях женский монастырь, ты на это не даешь своего согласия!

– И не дам! – отрезал Эвермод, с которым аббат и правда уже не раз заводил этот разговор. – Боги сотворили мужчин и женщин для того, чтобы они плодили детей, а не только молились.

– Рожденные ими дети в свой срок умрут, и их дети тоже умрут, и никому из рожденных не избежать смерти. Так к чему умножать число смертей и служить праху? Не лучше ли служить Господу и с ним обрести жизнь вечную? Подумай об этом на досуге, Эвермод. Но пока может случиться так, что твоя родственница станет графиней. А через нее, подумай только, ты окажешься в родстве с королями Франкии и Германии.

– Вот уж о чем я никогда не мечтал, – хмуро отозвался Эвермод. – От таких родичей нам одни беды.

– Однако теперь беду чуть не навлек на вас сам твой родич Альдхельм, – заметил Рерик. – Большую беду.

Он коротко рассказал о ссоре на пиру и о том, что дело едва не дошло до большого кровопролития, которое с трудом удалось остановить усилиями графини Теодрады и обоих аббатов. О попытке сжечь усадьбу они с Бернульфом по дороге уговорились не упоминать. Весьма вероятно, что услышав о таком, Эвермод наотрез отказался бы от родства с норманнами, а Бернульф и сам был не прочь прибрести родственные связи с графами, пусть и такие отдаленные. В этом случае Утрехтское епископство уж точно никуда бы от него не ушло!

Но и после краткого пересказа событий Эвермод помрачнел еще сильнее. Особенно когда Рерик объявил, что в знак дружелюбия и преданности своего рода он должен отослать в Дорестад двоих своих младших сыновей.

– Никогда не бывало такого, чтобы я отдал из дома своих детей! – резко ответил он. – И не будет, пока я жив! Если боги от нас отвернутся, лучше моим сыновьям погибнуть вместе со мной, чем стать рабами норманнов!

– Никто не говорит о рабстве. Если ты дашь согласие на мой брак с девушкой, твои сыновья будут жить в нашем доме, под покровительством своей сестры, и расти, как подобает людям их происхождения.

– А если не дам? – прямо спросил Эвермод. – Если я хоть что-то понимаю из того, что вы говорите, то дела у моего родича Альдхельма из рук вон плохи. Почему он сам не приехал?

– Видимо, стыдится показаться тебе на глаза. Ведь это он оскорбил хозяев в их доме, да еще и в священный Праздник Дис! Если же ты не дашь согласия на мой брак, то, похоже, девушка из вашего рода станет моей рабыней, а не женой. И три ее младшие сестры тоже – все они сейчас находятся в нашей усадьбе.

Лицо Эвермода потемнело. Его сыновья, до того молча слушавшие, напряглись, будто готовые в любое мгновение вскочить и броситься на гостя.

– Со мной сто человек, и все отлично вооружены, – быстро напомнил Рерик. – Не подвергай смертельной опасности твой род, Эвермод, и мы сумеем договориться. А если я женюсь на ней, то мы с вами станем родичами, и тогда наш долг пред богами будет в том, чтобы жить мирно и поддерживать друг друга. Боги у нас одни.

– Милосердный Господь наш Иисус Христос! – многозначительно напомнил Бернульф.

Рерик кивнул, но по его глазам Эвермод прекрасно понял, о каких богах идет речь. За двести лет христианизации франкские проповедники не сильно преуспели, и хотя за времена франкского господства Фризия стала считаться христианской страной, новая вера затронула лишь самый верхний, внешний слой ее жизни. При каждой попытке свергнуть иноземное господство фризы первым делом сжигали церкви и монастыри, опоры чужеземной власти. Почти в каждой семье были истинно верующие христиане, а Бернульф, местный уроженец, мог даже стать первым епископом-фризом, но такие пока составляли меньшинство.

Старик задумался, глядя в огонь, освещавший помещение. Помня о своем родстве с древними вождями фризов, он был не менее горд, чем Альдхельм, но сильнее чувствовал ответственность за будущее рода, поэтому как следует обдумывал все свои решения и поступки.

– Вот что я тебе скажу! – произнес он наконец и поднял глаза на Рерика. Молодой граф почти годился ему во внуки, но твердо встретил напряженный взгляд из-под косматых седых бровей. Если он сейчас проявит слабость, то покорить этот неуступчивый род будет гораздо труднее, но Рерик чувствовал за собой силу. Ведь и он был прямым потомком конунгов. – Вот что я скажу тебе, граф Рерик, – повторил старик. – Я сам поеду с тобой в Дорестад. И сам разберусь с делами моего родича Альдхельма. Что, годится тебе старик вместо пары неразумных детей?

Ночь Рерик с хирдманами провели на лугу – даже если бы хозяева пожелали пригласить их в дома, то сотенная дружина не поместилась бы на площадке терпа. Но торфа для костров

им выделили, а шатры и припасы у норманнов имелись с собой. К местной мокрой погоде они уже привыкли – из жердей и щитов сооружались небольшие крыши, прикрывающие огонь от мелкого дождя и ветра, дозорные, как всегда, то обходили стан, то травили байки у огня, вспоминая Франкию, Фландрию, иногда даже родные хутора – в Смалёнде, Уппланде, Халогаланде. До утра ничего не случилось. Зато утром…

Занятые утренними сборами, на пастуха, пробежавшего по тропинке на торп, норманны не обратили внимания. Через некоторое время к ним спустился один из сыновей Эвермода – самый старший, Гамельберт.

– Отец приглашает графа Рерика, – сказал он, сдержанно поздоровавшись. – Пришли кое-какие известия.

– Какие же?

– Он сам вам расскажет.

Оказалось, что пастухи на дальнем лугу, когда рассвело, обнаружили на прибрежном песке корабли, которых там вовсе не было вечером. Они пришли ночью, что само по себе удивительно – ночью ведь вдоль берегов не ходят, чтобы не сесть на мель или не наткнуться на камень. Причем корабли были норманнские, и, по уверениям пастухов, больше походили на боевые, чем на торговые.

– Вот чтоб их тролли взяли! – Рерик с размаху хлопнул себя по бедрам. Положение дел было ясно: еще какой-то морской конунг в поисках добычи высадился на берег. – Сколько их?

– Кого? – Пастух, какой-то из многочисленных юных племянников или двоюродных внуков Эвермода, хлопнул ресницами. Ему было лет четырнадцать или пятнадцать, и одеждой ему служила рубаха из толстой шерсти и овчина, край которой от дождя набрасывался на голову.

– Да кораблей! – Сегодня вошедшее у норманнов в поговорку тугодумие фризов раздражало Рерика особенно сильно.

– Пять! – Пастух в подтверждение растопырил пальцы. – Один когг, остальные ваши.

– А людей много?

– Еще как много.

Более определенного ответа добиться не удалось, и Рерик знал, что получить его он сможет только сам. К счастью, дружина уже полностью собралась в дорогу.

– Шатры, котлы и прочее оставляем здесь, идем за ним, – распорядился Рерик, кивнув на пастуха. – У нас гости. Которых не приглашали.

– На море штормит уже не первый день, – сказал Эвермод. – Возможно, эти люди вовсе и не сюда направлялись. Но тебе, граф, конечно, стоит посмотреть на них поближе. Ведь ради этого ты здесь и живешь.

В глазах его мелькнула насмешка. Старый фриз был очень рад, что граф с дружиной оказался у подножия его родового терпа и теперь именно он пойдет навстречу вражеским мечам. Которые держат такие же, как и он сам, норманны.

– Когда я вернусь, – Рерик слегка выделили голосом эти слова, – мы закончим нашу вчерашнюю беседу. А тебя я пока попрошу о двух вещах. Первое: послать гонца в Дорестад к моему брату, графу Харальду, а во-вторых, оповестить окрестные терпы и предложить мужчинам вооружиться и собраться сюда, чтобы поддержать нас, если возникнет нужда. Если это морской конунг, ищущий добычи, то лучше нам пока отложить в сторону наши разногласия. Я прав?

– Пожалуй, да. – Эвермод кивнул, будто они договаривались о цене за ягненка. – Я посмотрю, что можно сделать.

Привычным скорым шагом норманны двигались вслед за пастухом. Как всегда, позвякивали о края щитов наконечники ремней и подолы кольчуг – не зная, как сложится разговор с Эвермодом, Рерик на всякий случай велел дружине снарядиться как следует и теперь благословлял свою предусмотрительность. Но на душе у него было нехорошо. Это был не

страх, но жгучая досада. Как же не вовремя тролли принесли этих… кто они там? Они могли бы прийти чуть раньше – пока Харальд не успел поссориться с Альдхельмом. Они могли бы явиться попозже – когда ссора так или иначе была бы улажена и заложники жили бы уже в графской усадьбе, обеспечивая норманнам покорность и поддержку эделингов. Но пришельцы явились именно сейчас, когда их отношения с местной знатью на переломе и неизвестно, чем все кончится! А кончиться может очень плохо. Все двести лет, что фризы живут под властью франков, они пытаются сбросить иноземное владычество, обрести прежнюю свободу – каждое подросшее поколение, чью юную пылкость вдохновляют бабкины предания о доблести предков, затевает очередной мятеж, убивает графов и королевских мессиров, священников и монахов-проповедников, разрушает церкви и восстанавливает святилища. И то, что Альдхельм так обнаглел, говорит о том, что очередная вспышка не за горами. Если это не случайная пьяная болтовня, если фризы действительно готовы вновь выступить, то пятисотенную норманнскую дружину сметут, и никто не поможет. А если им с Харальдом придется сначала вступить в бой с неизвестным морским конунгом, защищая этих самых фризов… Сколько у них тогда останется людей?

И останусь ли у Харальда я сам? – скорее с горечью, чем с тревогой подумал Рерик.

Ему был двадцать один год – он верил в свои силы и совершенно не боялся смерти.

– Это вон там. – Пастух показал на длинную, тянущуюся вдоль моря песчаную гряду. – За ней.

Приблизившись к гряде, Рерик остановил дружину и дальше пошел сам, в сопровождении двоих телохранителей. На вершину они взобрались ползком, прячась за кустами жесткой травы. С гребня открылся вид на береговую полосу и несколько лежащих на песке кораблей. Пастух не ошибся – один из них был плоскодонный когг, а четыре других – норманнские лангскипы, длинные боевые корабли. Самый большой – на восемнадцать весел по борту, остальные меньше. Возле кораблей расположились люди – числом от сотни до полутора. Пленников или рабов Рерик не заметил – все мужчины были вооружены. Женщин среди путников не имелось, по крайней мере, на первый взгляд. Огня не разжигали – топлива этим людям было негде взять. Корабли выглядели неповрежденными, но не похоже, чтоб их владельцы собирались скоро пускаться в дорогу.

– Справимся, а, конунг? – спросил рядом Эгиль Кривой Тролль.

– А чего же не справиться? – отозвался с другой стороны Асвальд Лосось. – Они вон какие раззявы, даже дозоров не выставили. Да если мы сейчас на них ударим, половина из той лощины, – лежа, он показал локтем направление, – а половина вон оттуда, где ручей – разобьем, они и опомниться не успеют.

– Ой, смотрите, баба! – охнул Эгиль, перебивая полководческие замыслы товарища. – Да целых две, клянусь кривым троллем!

– Где? О, конунг, правда! Женщины.

Рерик и сам увидел, о ком говорили телохранители. От массы лежащих, сидящих на песке, шатающихся туда-сюда в вынужденном безделии людей отделились две женщины и пошли вдоль той самый гряды, на которой притаились наблюдатели. На вершину они не лезли, а намеревались обойти ее сбоку. Зачем – несложно было догадаться. Если мужчины все свои дела делали прямо на берегу, в лучшем случае отойдя в сторонку, то женщины предпочитали уединиться. Тем более что одна из них, кажется, была не из простых – с вершины Рерик разглядел, что ее одежда, хоть и неброская, сшита из хорошей ткани и даже по виду новая. Вторая, по-видимому, служанка, была одета лишь в некрашеную вадмель, а накидкой ей служила черная овчина со свалявшейся шерстью, используемая по нужде и как одеяло, и как подстилка.

– Вот это очень кстати, – заметил Рерик. – Возьмем потихоньку этих двух и у них выясним, что за люди, откуда и чего хотят. Лучше не придумаешь. Нам боги помогают.

Так же, ползком, они переместились к нужному склону гряды. Оказавшись по другую ее сторону, отгороженные и от взглядов, и от морского ветра, женщины присели на песочке, тщательно подобрав подолы. И хорошо, что они успели закончить свои дела. Иначе могли бы сильно испортить одежду, когда прямо из-под земли перед ними выросли трое чужих мужчин и немедленно бросились на них!

Эгиль и Асвальд напали каждый на свою пленницу, обхватили их и зажали рты. Взору Рерика предстали только вытаращенные от испуга глаза.

– Не вопить! – сурово приказал он. – Будете молчать – ничего страшного с вами не случится. Вы меня вообще понимаете?

Одна из женщин – служанка – осталась неподвижна, вторая попыталась кивнуть, насколько ей это позволяла широкая корявая лапища Эгиля, зажавшая рот. На груди у нее Рерик заметил довольно крупный серебряный крест, видный из-под толстого шерстяного плаща.

– Сейчас тебя отпустят, – так же строго продолжал он, обращаясь к христианке. – Не кричи. Мы только зададим тебе несколько вопросов, клянусь Господом. Я тоже христианин, не бойся.

И в доказательство предъявил свой серебряный крест, подаренный графиней Гизелой, который предпочитал всем аббатским и епископским крестам, захваченным во Франкии, украшенным золотом, эмалью и самоцветами.

Женщина, кажется, несколько успокоилась и расслабилась при этих словах и при виде креста. Рерик кивнул Эгилю, и тот отпустил ее.

Когда хирдман убрал свою лапищу с лица пленницу, стало видно, что она еще довольно молода – лет двадцати с небольшим, и вполне миловидна, хотя не так чтобы красавица.

– Я хочу знать, что это за люди. – Рерик кивнул в сторону берега. – И с какой целью они сюда прибыли.

– Там… – Женщина сглотнула, пытаясь перевести дух после внезапного испуга. – Там Анунд конунг, сын Эйрика, конунг… бывший конунг Упсалы. Он брат Бьёрна конунга из Упланда. Мы все оттуда.

– И что он здесь забыл? Собрался в поход на Фризию?

– Нет. Не так чтобы… Не в поход. Он ищет помощи. Он поссорился со своим братом, Бьёрном конунгом, и ищет могущественных людей, которые могли бы стать его союзниками. Он был уже в Сканей и в Хейдабьюре, но тамошние конунги предпочитают не ссориться с Бьёрном конунгом. А Гудрёд присоединился к нему, потому что у Анунда конунга одиннадцать кораблей и с ним можно попасть в Дорестад, не дожидаясь других купцов.

– Одиннадцать кораблей! – воскликнул Эгиль.

– Кто такой Гудрёд? – спросил Рерик.

– Это торговый человек из вика Бьёрко, он был фелагом моего мужа. То есть мой муж был его фелагом. Он умер. Мой муж.

– Я вижу здесь только четыре корабля. Где остальные?

– Их разметало ветром. Уже три дня мы идем при плохой погоде. Кормчие советовали Анунду конунгу остановиться и переждать, но он не хочет задерживаться. Опасается, что Бьёрн конунг пошлет за ним погоню.

– И у него нет намерений пограбить земли, мимо которых он идет?

– Я не слышала ни о чем таком. Гудрёд об этом ничего не говорил. Но еще ни разу на стоянках Анунд конунг не затевал ничего богопротивного и не причинял никому обид. Он христианин и потому воздерживается даже от «береговых ударов».

– Надо же, как мне повезло. – Рерик несколько успокоился. – А ты-то кто такая?

– Меня зовут Катла дочь Гудбранда. Я родом из вика Бьёрко. Мой отец вел большую торговлю по Восточному пути, и мой муж тоже. Но они оба уже умерли.

– И ты принялась за их дела? – Рерик усмехнулся. – Как ты-то оказалась на торговом корабле?

– Я держу путь в Дорестад. Моя мать приняла святое крещение много лет назад, вместе со всей семьей, когда в Бьёрко впервые прибыл святой человек Ансгер, монах из Корвейского монастыря, что во Франкии. И хотя потом ему пришлось покинуть Бьёрко, а христовы люди претерпевали там гонения, моя матушка сохранила верность истинной вере. В Бьёрко больше нет ни священников, ни церквей, только благодаря Божьему человеку Хардгейру ей не пришлось умереть без святого причастия. А еще она перед смертью поручила мне отправиться в Дорестад, где много церквей, и раздать за упокой ее души ее имущество нуждающимся. Ведь в Бьёрко одни язычники.

– А что, язычники не нуждаются? – Рерик поднял бровь.

– Если человек не хочет обратиться за помощью к истинному Богу, он сам виноват в своих бедах, – с простодушной уверенностью ответила путешественница. – И от их благодарности душе моей матери не будет никакой пользы. А если раздать имущество христианам, то их молитвы помогут ей. Ведь она уже очень много лет не могла исповедаться в грехах, потому что во всем Свеаланде не осталось ни одного священника.

– Да уж, у нас этого добра хватает! – обнадежил ее Рерик. – Тут неподалеку имеется настоятель монастыря Сен-Ломэ, аббат Бернульф. Так что ты сможешь исповедаться хоть сегодня утром.

– Благословит тебя Господь, добрый человек! – Катла с острова Бьёрко искренне обрадовалась. – Он и научит меня, как лучше сделать мое дело. А нельзя ли мне узнать твое имя: я обязательно помолюсь за тебя.

– Сделай одолжение! – Рерик усмехнулся. – Меня зовут Хрёрек сын Хальвдана, я – граф Фрисландский.

– О!

– Иди назад и скажи Анунду конунгу, что граф Фрисландский желает говорить с ним, – велел Рерик. – Я подойду к кораблям, и пусть его люди не хватаются за оружие, если он хочет найти здесь мир и помощь.

На берегу возле кораблей Рерик появился во главе всей своей дружины – построенной и вооруженной. Впереди шел его знаменосец, рядом – охраняющий знамя, потом сам Рерик в сопровождении троих телохранителей, а далее хирдманы. Анунд конунг, предупрежденный Катлой, тоже ждал его под собственным стягом и тоже в окружении телохранителей. Остановившись шагов за пять, Рерик поприветствовал его, и тот учтиво ответил. Анунд конунг оказался человеком еще молодым, лет двадцати пяти или около того – среднего роста, плотный, даже слегка полноватый, он носил небольшую бородку, а темно-русые волосы гладко зачесывал назад и связывал их в хвостик. Брови у него тоже были темные и пушистые, на щеках цвел румянец, и общее впечатление Анунд конунг производил человека деловитого и в целом довольного жизнью. Его неизменно сопровожал сын бывшего воспитателя, по имени Гудмунд, – на несколько лет моложе, рослый, на целую голову выше конунга, худощавый парень, с простым неприметельным лицом, однако, выглядевший смышленым и сообразительным.

– Видимо, сам Господь наконец услышал мои молитвы, – сказал Анунд. – Я имел намерение в Дорестаде повидаться с графом Фрисландии, но никак не ожидал, что увижу его даже раньше. Но мне казалось, что графа Фрисландии зовут Харальд? Или какие-то новости прошли мимо меня?

– Харальд сын Хальвдана – мой старший брат, мы с ним вместе правим Фризией. Эта женщина, – Рерик кивнул на Катлу, стоявшую неподалеку, – сказала, что ты ищешь помощи?

– Да, судьбе угодно было поссорить меня с моим братом Бьёрном, – подтвердил Анунд. – И теперь мне приходится искать надежных и могущественных союзников, которые могли бы помочь мне отстоять мои законные права.

– Я не могу ничего обещать тебе, пока не посоветуюсь с моим братом Харальдом и всей дружиной. Но я могу пригласить тебя сопровождать меня в Дорестад, где мы все и обсудим. Пока лишь прошу тебя принести клятвы соблюдать мир.

– Я с радостью сделаю это. Но мне нужно дождаться моих людей. У меня было целых одиннадцать кораблей, хотя здесь ты видишь только пять. Шторм разметал их, и я не знаю, где они теперь.

– Если вы держали путь в Дорестад, туда они и придут рано или поздно. Местные жители передадут им, что конунг в безопасности. А тебя я прошу последовать за мной, и в присутствии аббата Бернульфа мы с тобой обменяемся обетами соблюдать мир.

Против этого Анунд не возражал, а увидев аббата, первым делом пожелал исповедаться. Как он рассказал, после того как язычники в Свеаланде снова взяли верх и с острова Бьёрко изгнали священников, тамошним христианам приходится скрывать свою веру и обходиться почти без всякой духовной поддержки.

Старый Эвермод смотрел на все это весьма хмуро. Конечно, он был рад, что свеи пришли не с целью разграбить его округу, но то, что норманнские графы так с ними подружились, его не радовало.

Зато Рерик откровенно повеселел. Получив от Анунда клятву соблюдать мир, да еще данную на кресте в присутствии аббата, он поверил, что свеи ничем ему пока не грозят. Даже неполная сотня людей (не считая купцов), которая сейчас находилась в распоряжении Анунда, уже была весомой поддержкой в их делах с фризами. А если успеют подойти остальные корабли… Что там выйдет дальше, стоит ли помогать самому Анунду в его ссоре с братом – время покажет. Но, желая заслужить их помощь, он не откажется помочь им сейчас. А это уже много.

Эвермод, несмотря на эти события, не передумал ехать в Дорестад. Теперь необходимость разобраться во всем самому стала даже более настоятельной. Вслед за первым Рерик послал к Харальду второго гонца, и после полудня обе дружины, погрузившись на Анундовы корабли, отправились в Дорестад. Эвермод в сопровождении нескольких родичей предпочел путешествовать по суше и пообещал явиться в графскую усадьбу на днях.

К счастью, Харальд успел поволноваться недолго, поэтому уже почти остыл к тому времени, как Рерик вместе со знатным гостем прибыл в усадьбу. Какую опасность представлял бы для них именно сейчас беглец из Свеаланда, имей он не мирные намерения, Харальд понимал ничуть не хуже своего младшего брата. И хотя он встретил Анунда учтиво и даже слишком пышно, словно стараясь подчеркнуть свое богатство и высоту положения, наедине с семьей он еще довольно долго ругался, не в силах так сразу простить гостю свой испуг.

За время отсутствия Рерика в самом Дорестаде, к счастью, ничего не случилось. Альдхельм и его сторонники вели себя тихо и мирно. Рейнельда и три ее младшие сестры прилежно шили и вышивали под руководством графини Теодрады, и та даже сказала Рерику, что девушка ей нравится и она будет рада приобрести такую невестку.

Рерик только пожал плечами. В общем, против брака с Рейнельдой он ничего не имел. Ему шел двадцать второй год, и хотя торопиться с женитьбой ему было некуда, откладывать ее тоже не имелось причин. Предложенная невеста была достойна его как происхождением, так и личными качествами. И если этот брак нужен, чтобы примириться с фризской знатью и избежать очередного восстания, то почему бы и нет?

Но гораздо больше, чем о Рейнельде, он сейчас думал об Анунде и его делах. На другой день, отдохнув от путешествия, тот обстоятельно рассказал им с Харальдом и дружине о

своей ссоре с братом. Бьёрн и Анунд, сыновья Эйрика конунга, происходили из рода знаменитого конунга и воина, Рагнара Кожаные Штаны, а значит, и Сигурда Кольцо, того самого, в битве с которым пал прославленный предок Харальда и Рерика, Харальд Боевой Зуб. Власть в Свеаланде Бьёрн и Анунд унаследовали после своего двоюродного брата, тоже Эйрика, сына Ревиля. При этом Анунду досталась Упсала, а Бьёрну – торговое местечко Бьёрко, что на берегу озера Лауг. Прежде торговцы Северных стран встречались на острове Лиллё, на том же озере, но в последние несколько десятилетий Бьёрко – Березовый остров – все расцветал и теперь мог соперничать с любым из знаменитых виков. Там Бьёрн конунг прижился, развернулся и даже постороил на холме укрепление, где торговцы и местные жители могли бы укрыться от грабителей. За это его и прозвали Бьёрн Хауге, что значит – Холм. Однако братьям не жилось спокойно: Анунд завидовал богатым доходам брата, а Бьёрн не мог смириться с тем, что Анунд владеет Упсалой, где расположено святилище и курганы знаменитых предков, и считается из двоих старшим, хотя он, Бьёрн, богаче. После череды ссор и взаимных нападок братья рассорились настолько, что пошли друг на друга войной. В первом сражении победил Бьёрн – как более богатый, он нанял несколько морских конунгов с их дружинами, в том числе норвежцев Хёгни и Фроди, сыновей Эйстейна конунга из Хейдмёрка. Причем на сестре их он даже решил жениться, и ее обещали к нему прислать. А Анунд конунг был вынужден бежать, чтобы попытаться найти и себе не менее сильную поддержу. Ибо от святилища старых богов он, как христианин, никакой помощи не ожидал.

С Христовой верой Анунд познакомился много лет назад, когда на Бьёрко приезжал благочестивый монах Асгер из Корвейского монастыря, что во Франкии. Кстати, именно в тех местах, где сыновья Хальвдана завоевывали свою первую славу и добычу. Тогда Асгеру удалось крестить довльно многих свеев, но потом он и его сподвижники были изгнаны. А некоторые даже убиты, и самому Анунду конунгу пришлось скрывать свою приверженность «франкской вере». Однако он не терял надежды на то, что когда весь Свеаланд окажется в его власти, он сумеет вновь пригласить туда священников и проповедников.

– И что же ты нам можешь предложить в обмен на помощь? – осведомился Харальд.

– Если вы поможете мне захватить Бьёрко, я отдам вам всю добычу, которую вы возьмете в городе.

Харальд бросил взгляд на Рерика, и они поняли друг друга без слов. В богатом Бьёрко, через который шла торговля Севера с Восточным путем, откуда по всем морям расходилось восточное серебро, меха, мед, воск, рабы, византийские ткани и прочие дорогие товары, можно было взять огромную добычу. Об этом стоило задуматься. Вопрос был только в том, хватит ли у них сил на захват вика Бьёрко. Ведь это – самое сердце Свеаланда, а на ближайших к нему островах расположена усадьба самого упландского конунга и несколько дружин, охраняющих вик и вход в озеро.

– А очень большого войска сейчас и не нужно, – продолжал Анунд, словно угадав их мысли. – Бьёрн сейчас уехал по озеру вглубь страны. Как я слышал, по Вермланду и Вестерманланду повадился собирать подати какой-то из норвежских конунгов. Благодаренье Богу, Бьёрн отвлекся на это, и мне удалось уйти, даже увести собой верных людей невредимыми. Заодно он намерен добиться, чтобы тинги областей утвердили его права на единоличную власть. Если Бог нам поможет, то Бьёрн, когда вернется, поймет, что у него уже нет страны, которой он собирался править.

Братья еще раз переглянулись. Они сделают то, о чем он их просит, и уйдут с добычей. А сумеет ли Анунд удержать власть, захваченную силой, их не слишком волновало. Это уже будут его собственные трудности.

Тут же, на пиру в честь гостя, Харальд и Рерик дали Анунду клятву поддержать его в борьбе за Свеаланд и Бьёрко, а он взамен охотно поклялся, во-первых, отдать им всю добычу, которую они возьмут в вике, а во-вторых, помочь им здесь, в Дорестаде, если возникнут слож-

ности с местным населением. Но братья были почти уверены, что уж теперь-то сложностей не возникнет. Знатнейшие эделинги, в том числе с Эвермод с Альдхельмом, присутствовали на пиру и все видели своими глазами. За этот день подошло еще три Анундовых корабля, и его дружина пополнилась на восемьдесят человек. Силы норманнов в Дорестаде росли на глазах.

Оба аббата, Бернульф и Хериберт, с радостью засвидетельствовали клятвы. Рерик опасался, что Хериберт станет возражать против замысла, грозящего обильным пролитием крови, но тот видел это дело по-своему.

– Христову веру нередко приходится утверждать, одолевая сопротивление язычников, – сказал он. – Дьявол силен и наполняет упрямством непросвещенные души, но изгнать его оттуда следует любой ценой. Господь простит нас, если плодом наших усилий будет возвращение Христовой веры в Бьёрко. Я сам поеду с вами, дети мои. Те христиане, что сохранили верность Господу под властью язычников, нуждаются в немедленной помощи. Эта добрая женщина, Катла, немало рассказала мне о том, как трудно им приходилось. Ее матери, благочестивой христианке, чуть не пришлось умирать без причастия. У нее нашлось лишь немного красного вина, когда-то купленного у христиан, и, на счастье, перед тем приехал в Бьёрко благочестивый человек Хардгейр, посланный Асгейром. Хардгейр влил ей это вино в рот, когда она отходила к Господу. Не думаю, что это можно это считать настоящим причастием. Но я заверил Катлу, что Господь, несомненно, оценит преданность ее матери и ее желание умереть, как подобает христианке, и примет ее душу.

Катла со своей служанкой и привезенным имуществом сразу по прибытии в Дорестад устроилась в странноприимном доме. Рерик предлагал ей гостеприимство в графской усадьбе, не сомневаясь, что Теодраде будет приятно познакомиться с такой благочестивой и отважной женщиной. Но Катла отказалась, сказав, что ей, смиренной паломнице, приехавшей ради спасения души своей матери, не подобает принимать гостеприимство владык и надлежит делить кров с теми бедняками, которых она и собирается облагодетельствовать. Рерик только пожал плечами и не стал настаивать. Зато отец Хериберт пришел в восторг и немедленно устремился в госпиций. Целые дни он проводил в беседах с Катлой, а потом делился с Рериком вестями о том, как тяжело приходилось тамошним христианам в те долгие годы, когда язычники подвергали их гонениям.

На другой же день после приезда Катла в сопровождении Хериберта, после церковной службы, расположилась на паперти и принялась раздавать милостыню. Она привезла личное имущество матери, которое, умри та язычницей, положили бы с ней в могилу. Здесь было много всякой одежды, кое-какие украшения, посуда, деньги в самых разных монетах. Бедняки, бродяги и всякий сброд осаждал паперть, но Катла была начеку и оделяла только истинно благочестивых христианских нищих: тех, кто знал хотя бы одну молитву и мог поклясться, что на Пасху исповедался. О ней было в Дорестаде много разговоров, и некоторые люди из местной знати, позавидовав ее славе, даже взяли с Катлы пример и тоже принялись раздавать кое-что из вещей или съестного в память о своих умерших родичах. Отец Хериберт ходил сияющий.

Дня через три в графскую усадьбу снова явился Эвермод в сопровождении Альдхельма. Харальд, Рерик и Теодрада приняли их вместе с Анундом, который вообще оказался человеком общительным, дружелюбным и явно был рад, что к ним попал.

Теодрада, кроме обычно сопровождавших ее Адель и Рагенфредис, привела из девичьей и всех четырех дочерей Альдхельма. Рейнельда, Ита, Ландрада и последняя, десятилетняя Хатльвинда рядком сидели на скамьи возле графини, чинно сложив руки. Все четыре были очень миловидны, и даже Анунд то и дело бросал на двух старших заинтересованные взгляды, безотчетно подкручивая ус, заплетенный по свейскому обычаю в тонкую косичку.

– Я посоветовался с моим уважаемым родичем, эделингом Эвермодом, – после приветствий заговорил Альдхельм. – Он одобрил мои намерения отныне жить в мире с тобой, граф Харальд, с твоим братом Рериком и всей вашей семьей. Если будет на то ваша воля, то я буду

рад отдать мою старшую дочь в жены твоему брату Рерику. Для нас честь породниться с родом датских конунгов, а также, благодаря графине Теодраде, с королем Карлом и королем Лотарем.

– Я благословлю этот брак. – Эвермод тоже кивнул. – И хотя я могу не дожить до того времени, когда сыновья ваши станут взрослыми, я надеюсь, что они помогут возродить древнюю славу фризов. Твой сын, граф Рерик, рожденный от дочери моего рода, происходящий от корня кюнинга Радбода, будет иметь такие права на власть во Фризии, каких не имеет никто другой.

Харальд и Рерик невольно переглянулись. Старый фриз обещал им мощную поддержку, благодаря которой они смогут как следует утвердиться в этой земле. И ему можно было верить, потому что он сам выигрывал не меньше. Мало того, что его родственница будет почти королевой. Она произведет на свет ребенка, поддержку которому в будущем окажут как христианские короли, так и все знатные эделинги.

– Ваш сын будет достоин носить славное имя Радбод, – величественно добавил Эвермод, подтвердив тем самым мысли Рерика.

Среди родичей Эвермода Рерик не знал никого, кого звали бы Радбод. Старинное родовое имя не давали новорожденным, потому что в нынешнем своем положении они не могли носить королевское имя. Но тот, кто все же получит его, в глазах фризов – да и не только фризов – станет истинным кюнингом Фрисландии. А это не только почетно, но и опасно…

Однако о будущей опасности для своих не рожденных еще потомков Рерик сейчас не думал. Эвермод принес ему весть о победе. Тем же вечером, в присутствии знатных фризов и норманнских ярлов, Харальд объявил об обручении своего брата Рерика с Рейнельдой, дочерью Альдхельма. Вся ее родня тоже присутствовала и держалась как нельзя более учтиво.

Единственное, что насторожило Рерика, был перехваченный им взгляд Элланда. Сын Альдхельма взглянул на него со скрытым торжеством, будто тоже одержал победу. И это было странно.

Глава 3

Желая полностью уладить свои дела, прежде чем приниматься за дела Анунда, Харальд и Рерик назначили свадьбу на самый ближний срок, к которому только можно было завершить приготовления. К графскому дому спешно пристраивали еще один спальный чулан для будущих новобрачных, Тибо целыми днями хлопотал, готовясь к пиру, Теодрада разбирала имущество, выбирая подарки для гостей и родни. Из Франкии сыновья Хальвдана привезли столько роскошных одежд, драгоценной посуды, поясов, оружия, украшений, всякой мелочи вроде подвязок и булавок, не считая монет, что все знатные гости должны были остаться довольны.

Однажды утром Рерик наткнулся на Хедина, хирдмана из своей ближней дружины. Тот подбрасывал на ладони какую-то монету.

– Посмотри, конунг. – Завидев Рерика, Хедин поймал монету, шагнул к нему и показал ладонь. – Ты такое видел?

Рерик взял монету в руки. Она была довольно крупной, вдвое крупнее привычного франкского денария, и вдвое тяжелее, насколько он мог определить без весов. Вместо обычных изображений – креста, храма, латинской надписи – на этой монете было тролль знает что: какие-то круги и то ли надписи, то ли узоры из непонятных значков.

– Что это? – Рерик поднял глаза на Хедина.

– А эта баба свейская… ну, то есть благочестивая госпожа Катла, такие нищебродам раздает. У нее таких полно, целый мешок. Сигвид спрашивал, откуда, она сказала, к ним на Бьёрко такие стали привозить в последнее время с Восточного пути. И много, говорит, привозят. Оттого свеи и зачастили, говорит, на Восточный путь, и ее отец туда ходил, и муж покойный. У тамошних славов берут меха, мед и вот это серебро. Называется дири… дере… дьюрсхейм, вот! Хотя не пойму, где здесь звери…[5] – Он еще раз в недоумении оглядел монету, выискивая на ней отсутствующие изображения зверей. —

– А славы – это кто?

– А это тамошний народ, вроде родичи вендам. Язык у них один, и говорят, будто славы от вендов свой род ведут. Говорят, на Готланде и на Бьёрко их хорошо знают.

– И у них есть такое серебро? – Рерик еще раз подкинул монету на ладони.

– Везут оттуда. Я не знаю. Тебе бы с той бабой поговорить. А мы с Сигвидом тоже так подумали – а любопытно бы поближе поглядеть, откуда у тех славов серебро и много ли его там. Там у собора один мужик говорил, от Бьёрко до тех земель не так уж и далеко. Всего-то дней восемь-десять в один конец.

– Но если так близко, почему мы ничего об этом не знаем?

– А говорят, серебро это не так давно появилось. Короче, конунг, тебе надо с кем другим поговорить, кто туда ходит. А мы с тобой всегда пойдем, куда скажешь! – Хедин засмеялся, давая понять, что в богатые серебром страны дружина последует за своим конунгом более чем охотно.

– Я пока себе оставлю, ладно? – Рерик сжал монету в ладони. – Харальду покажу, вечером отдам.

Увидев открытую дверь кладовки и услышав изнутри голос Теодрады, Рерик заглянул посмотреть, чем она там занята, и заодно показать невиданную монету. Кстати, может быть, во Франкии такие уже видели и что-то знают? Теодрада разбирала одежду и как раз держала перед собой на вытянутых руках роскошную столу – верхнюю женскую рубаху, из бордового самита, с вышитыми золотом удивительными зубастыми зверями.

---

[5] Название дирхем похоже на слово «дьюрсхейм» – «дом зверя» или «звериный дом».

– Это можно подарить Амальберге, – говорила она Рагенфредис, которая стояла перед ней, тоже с ворохом каких-то шелковых тряпок в руках. – Это достаточно хорошо даже для матери невесты.

– А для самой невесты? – спросил Рерик, заглядывая в кладовку.

– Для самой невесты эта великовата. – Теодрада приложила к себе для наглядности – стола была и широка, и длинна. – Шили на какую-то весьма рослую госпожу. Заходи, Рерик. Скажи мне спасибо – я делаю эту работу для тебя.

– Спасибо. – Рерик подошел, наклонился и поцеловал невестку в щеку. – У меня ведь больше никого нет из женщин, кроме тебя. Если бы наша мать жила с нами… как бы она радовалась!

Он слегка вздохнул, вспомнив о фру Торгерд. Она не была на свадьбе старшего сына, женившегося во Франки. И свадьбу второго, которая состоится во Фризии, ей тоже предстояло пропустить.

Теодрада слегка покраснела: ее смутил этот знак внимания, несмотря на их родство. Она была замужем за Харальдом уже два года, однако нередко вела себя так, будто по-прежнему остается скромной монастырской послушницей, помышляющей исключительно о Боге.

– Присядь, Рерик. – Она кивнула на сундук. – Ты сам-то рад, что женишься?

– А вот это можно ей подарить? – Не отвечая, Рерик взял из открытого сундука позолоченный браслет с голубыми глазками бирюзы и для пробы надел на свое запястье. – Как по-твоему, Рейнельде понравится?

– Возможно. – Теодрада улыбнулась. – Только это браслет на ногу.

Рерик рассмеялся и бросил украшение обратно.

– Никак не могу понять, зачем ваши женщины носят браслеты на ногах, когда и ног-то их совсем не видно. – Он кивнул на подол самой Теодрады, такой длинный, что скрывал даже носки башмаков. Впрочем, сейчас изящный башмачок из алого сафьяна, расшитый жемчугом, случайно высунул носик, и Теодрада поспешно одернула подол, из-за чего Рерик снова усмехнулся.

– Эти браслеты призваны порадовать взор того, кому можно… ну, то есть мужа, – с некоторым смущением пояснила Теодрада. – А посторонних мужчин благочестивая женщина вовсе не стремится пленять.

– А ты носишь браслеты на ногах? – не отставал Рерик. – Чтобы порадовать Харальда?

– Мой муж не обращает внимания на такие вещи. – Теодрада отвела глаза.

– А я обращаю, – мечтательно произнес Рерик, задумчиво глядя куда-то в пространство.

Графиня Гизела действительно носила браслеты на ногах. Когда он их увидел, ему было не до того, чтобы думать об украшениях, но, когда он впоследствии вспоминал об этом, даже странный обычай франкских женщин казался ему необычайно милым.

Теодрада бросила на него один взгляд, вдруг вспыхнула и отвернулась. Рерик никогда ни единым словом не касался своих отношений с матерью Теодрады, но та ведь не слепая и не дурочка. Кое о чем она догадывается, и, надо думать, ее благочестивой душе эти мысли причиняют истинное страдание.

– Я хотела с тобой поговорить вовсе не о браслетах, – немного резко произнесла Теодрада. – Рагенфредис, прикрой дверь. Послушай, Рерик, – заговорила она снова, когда женщина выполнила ее приказание и вернулась. – Я не собираюсь отговаривать тебя от этой женитьбы. Ведь ты теперь христианин, и гораздо лучше тебе найти для себя достойную супругу и жить с ней в благочестии и благословленной Богом любви, чем… ну, ты понимаешь. – Теодрада опять отвела глаза, не желая упоминать вслух о тех молодых рабынях, услугами которых молодой конунг пользовался наряду с другими неженатыми хирдманами. – И если твой брак принесет мир и благополучие Дорестаду, это, конечно, большое благо. Но ты должен быть особенно осторожен и в поступках, и в словах. Услышав об этой свадьбе, король Лотарь будет

недоволен. Ему не понравится союз между норманнами и фризами на подвластных ему землях. Он уже не в первый раз поручает норманнам управлять теми частями своей страны, в преданность которых не слишком верит. Ему удобна вражда между населением и графами: она не даст усилиться ни тем, ни другим, и все останутся полностью в его руках. А теперь у него возникнут сомнения. А Эвермод к тому же не скрывает своих надежд увидеть твоего сына новым кюнингом Радбодом. И я должна тебя предупредить: если ты его послушаешься и назовешь сына Радбодом, то король Лотарь воспримет это как измену и мятеж.

– У меня еще нет сына, – утешил ее Рерик. – Спасибо тебе, я вижу, что ты заботишься о нас. Но если я откажусь от этого брака, мне придется очень трудно уже сейчас. Фризы воспримут наш отказ как оскорбление. Ты понимаешь, что тогда будет. А нам пока нужен мир и покой. Нам нужно собрать как можно больше сил. На пиру я предложу фризам поддержать нас и Анунда в борьбе за Упланд. А потом Анунд поддержит нас в борьбе за Ютландию. Я вовсе не намерен от нее отказываться. И, честно говоря, надеюсь, что к тому времени, как мой сын или сыновья подрастут, мнение короля Лотаря меня будет волновать, как карканье вороны на частоколе. И своего сына я назову Хальвданом. Я хочу, чтобы он в первую очередь владел Южной Ютландией и Съялландом. А уж Фризией… как получится. Я также надеюсь, что из этих стен мои слова не выйдут. – Он многозначительно посмотрел на Рагенфредис. – Ты ведь хочешь, добрая женщина, чтобы твой муж был ярлом у могущественного независимого конунга?

– Куда ты, туда и мы, Рерик конунг. – Рагенфредис вздохнула. – Орм еще перед свадьбой сказал мне, что не может обещать мне спокойной жизни на одном месте.

Она улыбнулась, будто даже гордилась своей беспокойной судьбой. Она очень полюбила своего мужа, хотя и опасалась поначалу, уживется ли с норманном.

– Пожалуй, и я должен предупредить об этом свою невесту. – Рерик тоже улыбнулся. – Чтобы потом она не обвиняла меня, что я обманул ее надежды. Да, Теодрада! А она-то хочет за меня выйти? Ты говорила с ней об этом?

– Лучше спроси-ка у нее об этом сам! Ты должен жениться на девушке, а ты хотя бы знаешь, какого цвета у нее глаза?

– При чем здесь глаза?

– Вот именно – при чем? При том, что тебе даже не приходит в голову познакомиться поближе с женщиной, с которой соединяешь судьбу! Ты берешь ее, будто корову покупаешь… Да нет, уж к корове ты бы получше пригляделся перед покупкой. Тебе нет дела до самой Рейнельды, а она ведь страдает от этого. Ты живешь с ней в одном доме уже много дней, но даже не поговоришь с ней!

– Ладно, хватит! – Рерик замахал руками. – Я виноват. Но ты могла бы и раньше мне сказать, что она жаждет моего общества.

– А ты мог бы сам догадаться.

– Если я буду думать о ее чувствах, кто подумает о моих делах? Анунд еще этот нам на голову свалился, лучше времени не выбрал.

– Поди приведи ее, – велела Теодрада Рагенфредис, и та скрылась за дверью.

Когда появилась Рейнельда, Теодрада бросила на Рерика многозначительный взгляд и вышла. Рерик остался вдвоем со своей невестой. Какого цвета у нее глаза, рассматривать надо при свете дня – здесь, в полутьме кладовки при двух свечах они кажутся черными. Но и при таком освещении нетрудно было разглядеть, что девушка красива, и фигура у нее что надо – стройная, но самых приятных округлых очертаний в нужных местах. Пожалуй, она ему нравилась. Рерик вообще тепло относился к женщинам, ничуть их не боялся, иной раз даже увлекался больше, чем следовало, и сам пользовался успехом как у знатных женщин, так и у простых, несмотря на средний рост и вполне обычное лицо, отнюдь не сиявшее красотой. Но понравится ли он своей невесте? Он не помнил, встречал ли Рейнельду когда-нибудь раньше,

а о той ночи в усадьбе Альдхельма она едва ли сохранила приятные воспоминания. Еще вообразит себя новой Гудрун, хлопот с ней не оберешься.

– Ну, а ты? – спросил он. – Ты рада, что выходишь замуж? И именно за меня?

– Я повинуюсь воле моего отца, – ответила девушка, подняв на него глаза и снова отведя взгляд. – Я не хотела выходить замуж. Мы с моими сестрами часто мечтали, что все вместе устроим монастырь и будем там служить Господу. Сначала нас было бы только четыре, и я была бы аббатисой, а они – моими монахинями. А потом слава о нас пошла бы по всей Фризии, к нам стали бы собираться благочестивые девы, наш монастырь стал бы большим, богатым и знаменитым. Мы говорили, что когда я умру, аббатисой станет Ита, потом Ландель, потом Хатль. Что мы проживем много лет в мире и благочестии, помогая бедным, и все будут почитать нас как святых… Но я знаю, что детские мечты – это одно, а жизнь – совсем другое. Я поняла это в ту ночь, когда вы чуть не сожгли наш дом и нас всех.

Она снова подняла глаза и глянула в лицо Рерика. В ее взгляде не было ненависти или страха, а была какая-то решимость и даже вызов.

– Так уж вышло. – Рерик пожал плечами. – Твой отец оскорбил нас. Да и братец постарался. Но если они будут соблюдать свои клятвы, то и мы никого не тронем. Теодрада тоже когда-то хотела стать монахиней.

– Я знаю. Она рассказывала.

– Ну, и разве ей теперь плохо? Она – графиня. А в будущем, возможно…

– Возможно – что?

– Там видно будет. Но могу заверить, что моя жена будет жить не хуже, чем положено женщине королевского происхождения. Тебя это устроит?

– Моя мать говорила… – Рейнельда, не поднимая глаз, стала водить пальцем по узорам разложенной на сундуке зеленой столы. – Говорила, что ты, Рерик, из тех людей, которые добиваются успехов. Она сказала, что у тебя сильная удача.

– Это правда. У нас очень сильная родовая удача. Ты видела, мой брат носит золотую гривну? Она называется Золотой Дракон. Много поколений назад сам Вёлунд изготовил ее для моего предка, конунга Ивара, когда однажды пришел к нему на йольский пир под видом простого путника и попросил пристанища. Ему предложили переночевать в кузнице, потому что другого места в доме уже не было, но послали ему туда хорошее угощение. И в благодарность за это он за одну ночь изготовил золотую гривну и подарил ее конунгу. В ней заключена удача нашего рода. Когда наш отец погиб, Золотым Драконом завладел Сигимар Хитрый, его убийца. И семнадцать лет Золотой Дракон был в его роду. После смерти Сигимара его забрал Ингви, его сын. Свеи рассказывали, что он поссорился из-за Золотого Дракона с Сигурдом, тот ведь его старше. И потому Ингви не возвращался в Ютландию и даже на Съялланде почти не бывал, а ходил по морям. Но мы с Харальдом убили его и вернули Золотого Дракона. Теперь удача нашего рода снова у нас. И что бы там ни говорил твой брат Элланд, чуть раньше или чуть позже мы вернем все, что когда-то принадлежало нашим предкам. Ты мне веришь?

Рерик шагнул поближе и все-таки заглянул ей в глаза. Ему вдруг показалось важным убедиться, что его будущая жена верит в его удачу. Это все равно что вера дружины – без нее ничего не получится. А с этой девушкой он на днях отправится «в поход» на всю оставшуюся жизнь. Рерик вдруг осознал, что перед ним стоит его ближайший товарищ во всех жизненных начинаниях, тот, кто не покинет его, даже если от дружины не останется ни одного человека, та, что станет матерью его сыновей – еще не рожденных Харальдов, Хальвданов, Хрёреков, Иваров из древнего рода Скъёльдунгов. Она была все равно что часть его самого, но такая, с которой ему только теперь предстояло познакомиться.

– Да, моя мать говорила. – Рейнельда кивнула. – Что ваша удача идет от старых богов. Но ведь ты христианин?

– Ну, да.

– И что если ты сумеешь соединить силу старых богов с благодатью, идущей от Господа нашего Иисуса Христа, то тебе не будет равных. Поэтому я не позволю Элланду говорить…

– Что?

Рерик вспомнил взгляд Элланда, брошенный на него во время обручения. Торжествующий взгляд, хотя для торжества у сына Альдхельма тогда вроде бы не было причин.

– Ну, что… – Рейнельда явно жалела, что у нее вырвались эти слова.

– Ну? – Рерик подошел вплотную, взял ее за руку, а другой рукой приподнял ее подбородок и заставил посмотреть ему в глаза.

– Что когда я стану твоей женой… И у нас будет сын… А если ты потом умрешь… То он, как мой брат и дядя нашего сына, сам сможет…

– Все ясно. – Рерик примерно чего-то такого и ожидал. – Но мы еще посмотрим, кто из нас первым умрет. Я пока на тот свет не собираюсь.

– Я тоже вовсе не хочу слишком рано овдоветь, – ответила Рейнельда, сердито глядя куда-то в пространство. – Элло, он слишком честолюбив и горяч. Эвермод его осуждает. Он говорит, что дерево нашей славы должно вырасти в свой черед. Это он имеет в виду наших будущих детей. И что не стоит ломать ветки, на которых вырастут золотые плоды.

– Эвермод умный человек. Но у меня к тебе еще один важный вопрос.

– Какой? – Рейнельда посмотрела на него с тревожным ожиданием.

– Ты будешь… ради моего удовольствия носить браслеты на ногах?

Рейнельда сначала смотрела на него с тем же тревожно-недоуменным выражением, а потом вдруг до нее дошло, что он смеется. Лицо ее вдруг изменилось; она фыркнула, зажала рот рукой, как девочка, которой запретили шуметь, но смеяться очень хочется, и бегом бросилась вон из кладовки.

За пару дней до свадьбы Теодрада послала за Рериком.

– У меня к тебе есть просьба, дорогой брат, – сказала она. – У меня, как ты видишь, совсем нет времени на мои собственные дела, поэтому я прошу о помощи тебя. Кстати, тебе и самому было бы очень неплохо ко мне присоединиться.

– Я верю, что ты не затеешь ничего плохого. – Рерик улыбнулся. – Но если ты скажешь, в чем дело, мне будет легче решить.

Он видел, что Теодрада так устала от всех хлопот, что сама едва может вспомнить, о чем ведет речь.

– Отец Хериберт вчера говорил, что Катла уже почти закончила свои дела. Вчера отец Хериберт провожал ее по домам больных, которые сами не могут прийти к ней за деньгами. У нее осталось сколько-то серебра, и она раздает его. С ней ходит еще несколько женщин – Герлиндис, сестра Альдхельма, Фараильда, жена Анзегизеля, и Рохильда, жена купца Роже из Нуайона, помнишь его? Сейчас для бедняков в Дорестаде сплошной праздник – благодаря Катле все богатые и благочестивые женщины состязаются в щедрости. Я тоже хотела бы им помочь, но ты же видишь, у меня совсем нет времени. Я хочу попросить Катлу раздать деньги от моего имени, раз они с отцом Херибертом этим занимаются. И было бы хорошо, если бы ты тоже дал денег. Перед свадьбой будет очень уместно, если бедняки помолятся и за вас с Рейнельдой. Вот, здесь фунт серебром от меня, и я прибавила двадцать денариев за Рейнельду. – Она положила перед ним сафьяновый кошель, отделанный узкой полосочкой золотой парчи, уже потертой на сгибах. – Прибавь еще от себя и отнеси Катле. У тебя же есть свободные деньги?

– Фунт найду. – Рерик кивнул. – Давай. Я схожу прямо сейчас, пока время есть.

– Возьми с собой Рейнельду. Ей будет приятно прогуляться, а то она все эти дни сидит взаперти.

Против этого Рерик тоже не возражал. После того случая в кладовке им с Рейнельдой больше не выпало случая поговорить, но теперь, встречаясь за столом в гриднице, они улыбались друг другу, и с каждым днем Рерик все больше радовался мысли, что эта темноволосая девушка будет его женой. Чем больше он к ней приглядывался, тем красивее она ему казалась, и он удивлялся, что не разглядел этого сразу. Он уже почти был благодарен Альдхельму, который затеял всю эту ссору и тем способствовал обручению своей дочери с Рериком.

В итоге к госпицию они отправились целой толпой: Рерик, Рейнельда, ее младшая сестра Ита – четырнадцатилетняя девушка, уже почти такая же красивая, хотя, в глазах Рерика, уступавшая старшей сестре, – Рагенфредис с младшей сестрой Региной, две служанки, а еще Эгиль Кривой Тролль и Асвальд Лосось. Эгиль нес два кошеля – от Теодрады и от самого Рерика, тоже с фунтом серебра, в основном денариями, а еще разными обрезками и обломками непонятно чего. Снова шел дождь, и все натягивали на головы шерстяные и кожаные капюшоны, но всю дорогу болтали и смеялись. Настроение у всех было такое прекрасное, что даже попадание в лужу и крылья брызг, падавших на мокрые подолы, вызывал новую бурю смеха. Рерик даже не помнил, когда еще ему было так весело. Даже когда они с Харальдом одерживали победы во Франкии и брали большую добычу, даже когда он совершил свой первый подвиг – убил морского конунга Харда Богача, еще там, в Смалёнде, и тем отомстил за своего дядю, Ингвара конунга – тогда у него были гораздо более весомые причины торжествовать, но не было такой чистой, легкой радости. Проходя по шатучим мосткам перед гаванью, он протянул Рейнельде руку, чтобы поддержать ее – она дала ему руку, немного озябшую и влажную от дождя, а потом забыла отнять.

Госпиций располагался в гавани, между корабельных сараев – Теодрада и Хериберт нарочно выбрали это место, чтобы уставшим после морского перехода путникам не приходилось далеко ходить в поисках пристанища. Сейчас, весной, когда корабли оживленно сновали между виками, здесь было битком набито, и даже перед дверями сидели какие-то неопрятного вида люди неведомых племен. Двое играли в кости, расстелив на земле обрывок грязной тряпки, один сидел на бревнышке, обняв колени, и пел песню на непонятном языке.

– А она на месте? – сказала Рейнельда, имея в виду Катлу. – Или ходит где-то, отыскивает бедных?

– Пойдем посмотрим, – предложил Рерик.

– Фу, как там воняет! – Ита сморщила нос, едва вдохнув теплый, но дымный и душный воздух в дверях.

– Терпи! – сказала ей Рейнельда. – Помнишь, как мы хотели стать монахинями? А монахини ни от чего не воротят носы и сами ухаживают за больными.

– Но мы же уже передумали! – Ита фыркнула. – Между прочим, я тоже могу стать королевой. Анунд конунг вчера спрашивал, нет ли у меня жениха и как бы мне понравилось жить в Свеаланде.

– Вот шустрый мужик! – Рерик усмехнулся. – Ита, ты смотри, много ему не позволяй. Если начнет руками лезть, сразу скажи мне – я ему ноги поотрываю.

– Ноги-то здесь при чем? – фыркнула Регина, и все снова покатились от хохота.

– Асвальд, сходи, посмотри, на месте Катла? – Рерик кивнул хирдману на дверь, и тот скрылся внутри.

– Она здесь, только спит, – доложил тот, вернувшись. – И служанка с ней, тоже спит.

– Устали, надо думать, весь день по домам ходили, – сочувственно кивнула Рагенфредис.

– Ну, пойдем, тихонько положим деньги и скажем служанке, что это от графини, – предложила Рейнельда.

– Пойдем. – Рерик взял у Эгиля оба кошеля. – А вы все здесь подождите, а то ржете, как свиньи, разбудите женщину.

И все опять захохотали, хотя чего, собственно, смешного он сказал?

Крепко держа Рейнельду за руку, Рерик первым вошел в госпиций. Тот представлял собой обычный в северных странах «длинный дом» с земляным полом, тремя очагами посередине и высокими лежанками по сторонам. Прямо на этих же лежанках постояльцы сидели, перекусывали чем боги послали, болтали, обменивались своими приключениями, чинили одежонку. Чадили очаги, в которых горело то по горсточке торфа, то кучка деревянных обломков и всякого мусора, собранного у моря. Пахло соответственно – дымом, прелым тряпьем, влажной шерстью и кожей, немытыми телами и подгорелой кашей. Рейнельда прикрывала нос краем капюшона и думала, что только от особенно большого благочестия состоятельная женщина предпочитает жить здесь, хотя может воспользоваться гостеприимством графов.

Завидев хорошо одетую пару, бродяги оживились – за последние дни они привыкли, что состоятельные люди зачастили в госпиций раздавать милостыню. Из-за этого нищие благословляли Катлу и даже твердили, что она-де наверняка святая. Вот и теперь бродяги толпой бросились к Рерику и Рейнельде, а один, мыча что-то – очевидно, немой – даже кинулся им в ноги и стал хватать за подолы, так что Рерику пришлось стукнуть его ножнами меча по немытой голове.

Для Катлы, как для богатой и знатной путешественницы, выделили дальний конец дома, отгородив его от основного помещения занавеской из бычьей шкуры. Заглянув туда, Рерик и Рейнельда увидели лежанку, более чистую, чем все прочие – одеяла и простыни Катла привезла с собой. Сама путешественница спала, сняв только башмаки и укрывшись плащом, а служанка прикорнула рядом, сидя на приступке и положив голову на плащ.

– Жалко будить, – шепнула Рейнельда. – Вон как обе устали – едва хватило сил башмаки снять.

Рерик бесшумно шагнул за занавеску. Тут же, на приступке, стоял кувшин – один из тех, какие из Фризии развозили по всем окрестным странам: черный, с красивыми белыми узорами в виде крестов, выложенных из тончайших листов олова. Наклонившись и принюхавшись, Рерик без труда различил знакомый запах выдержанного красного вина.

– Вот почему они среди дня заснули, – усмехнулся он. – Видно, причаща… силы подкрепляли после благочестивых трудов. Не надо их будить, и так, видно, голова разболится.

– Давай просто положим где-нибудь, – шепнула Рейнельда. – Только надо спрятать получше, а то кто-нибудь из этих, – она кивнула в сторону занавески, – к рукам приберет.

Рерик молча кивнул и осторожно приподнял подушку, собираясь засунуть под нее оба кошеля. Из-под подушки торчал краешек кожаного мешка. Сквозь кожу прощупывались плоские кружочки – монеты. Видимо, это был остаток серебра, которое Катла не успела раздать.

– Сюда и положим, – шепнул Рерик, обернувшись. – Подержи-ка.

Он передал невесте оба кошеля, а сам ловко вытащил мешок из-под подушки, придерживая его, чтобы серебро не звякнуло. Знаками показав, что нужно делать, он развязал шнурок. Внутри были те самые монеты – крупные, с непонятными значками, о которых говорил Хедин. Рерик вспомнил, что так и не поговорил с Катлой о происхождении этих монет. Ладно, еще успеется. Рейнельда осторожно пересыпала серебро из обоих кошелей в мешок. Потом Рерик покрепче завязал вдвое потяжелевший мешок и уложил его назад под подушку. Катла не шелохнулась, хотя теперь голова ее лежала заметно выше. Рерик наклонился к ее лицу – запах вина был довольно ощутим. Бедная женщина, как устала! Он усмехнулся, взял Рейнельду за руку и вышел.

Тем же вечером, когда все уже рассаживались за столы для ужина, в гридницу буквально ворвался отец Хериберт. По его взбудораженному виду сразу стало ясно – что-то случилось.

– Чудо, чудо Господне! – с ликованием кричал он, от волнения сильно дергая головой и беспрестанно мигая левым глазом. – Чудо! Что случилось, дети мои, послушайте!

– Что случилось?

– Что с тобой, святой отец?

– Какое чудо? Где?

– В госпиции! – Хериберт остановился перед Харальдом и Рериком, благоговейно потрясая перед собой разведенными ладонями, будто пушистое, хрупкое чудо лежало между ними. – У той благочестивой женщины… Катлы, дочери Гудбранда… Она… Все утро она и еще две благочестивые женщины раздавали серебро бедным… Потом она вернулась в госпиций отдохнуть… Она раздала половину тех денег, что привезла с собой. У нее в мешке оставалось ровно два фунта в восточном серебре, в скиллингах. Чуть менее четырех марок, как она мне сказала. И она легла отдохнуть… И заснула…

От волнения и бега почтенный аббат едва мог говорить. Рерик уже понял, что случилось, и бросил быстрый взгляд Рейнельде, сидевшей возле Теодрады. Она тоже посмотрела на него огромными восхищенными глазами, и Рерик мгновенно сделал ей быстрый знак: молчи!

– А когда она проснулась и хотела пересчитать серебро, то обнаружила мешок снова полным! – с ликованием продолжал отец Хериберт. – Там стало ровно вдвое больше, чем было, вернулось само собой все, что она успела раздать! Не вернулись только четыре денария, которые она и те женщины потратили на вино для подкрепления сил – это они истратили на себя, но то, что они раздали бедным, Господь восполнил, чтобы они снова могли продолжать свое благочестивое занятие! За труды ее и благие намерения Господь вернул ей деньги! Ибо Он всемогущ и, имея все, не нуждается ни в чем. И все, что во имя Его раздается на нужды бедных и рабов Его верующими в Него, возместит Он в царствии небесном. И по этому знаку от Господа я заверил ее, что мать ее, добрая христианка Фридеборг, спасена Господом! Наставленные чудом сим, не бойтесь раздавать свое добро во имя Христа, зная, что Господь воздаст тебе это на небесах!

Поднялся шум – все говорили разом, восхищаясь чудесным происшествием, благочестием Катлы и милостью Господа, не оставившего без внимания и награды ее труды. А Рерик устремил заклинающий взор на Теодраду, умоляюще сложив руки – со стороны можно было подумать, что он молится, благодаря Бога за дарованное чудо. Теодрада, с растерянным и радостным лицом, встретила его взгляд и вначале не поняла, в чем дело. Утомленная всеми предсвадебными хлопотами, она не связала в уме чудесное возвращение истраченного Катлой серебра с теми деньгами, которые сама через Рерика отослала в госпиций. Она уже почти забыла об этом. Но, увидев лицо Рерика, а потом раскрасневшееся, сияющее и умоляющее лицо Рейнельды, Теодрада все поняла и невольно прижала пальцы к губам. Рейнельда, сидевшая почти рядом, наклонилась к ней и под прикрытием общего шума зашептала что-то; Теодрада опустила голову, прижала ладони к вискам, потом закрыла лицо руками. Она глянула на ликующего, возбужденного отца Хериберта, от которого буквально исходило сияние, набрала в грудь воздуха, потом выдохнула и ненадолго прикрыла глаза.

До конца пира не смолкали разговоры о чуде, и наутро об этом говорил уже весь город. В церквях служили благодарственные мессы, народ толпился в госпиции, желая поглядеть на чудесное серебро, прикоснуться к нему. Сияющая Катла и на другой день еще плакала от счастья, обнимая всех женщин, приходивших выразить ей свою радость по поводу несомненного спасении души ее матери. Аббаты Хериберт и Бернульф ходили счастливые оттого, что Господне чудо снова посрамило язычников, убедило нетвердых в вере, коих, увы, в Дорестаде было большинство, и наполнило ликованием души истинно верующих. А с торговыми кораблями благая весть быстро разнесется по всему свету, и еще до осени на всех торгах и во всех городах и виках, от Андалусии до Биармии, будут говорить о чуде, об отважной и щедрой женщине по имени Катла, о ее благочестивой матери. О такой мелочи, что раздавала Катла скиллинги, а вернулись к ней денарии, никто, разумеется, не задумывался. Господь всемогущ: разве ему трудно превратить дирхемы в денарии на тот же вес?

– Может быть, это и грех, что мы промолчали, – уже на другой день сказала Теодрада, когда Рерик улучил миг поговорить с ней наедине. – Вчера я хотела рассказать, что это наше

серебро, хоть мне и жаль было бы лишать людей такой радости. Но потом я поняла, что совершенно не важно, откуда взялось серебро. Нашими руками Господь пополнил кошель Катлы, чтобы она могла продолжать свои труды. И мать ее несомненно будет спасена, потому что благодаря ей столько нетвердых в вере укрепилось, а столько истинных христиан возрадовались. Будем молчать, и Господь, я верю, простит нам эту ложь. Я буду просить его о прощении для нас.

– Только не говори Хериберту! – умолял ее Рерик. – Сестра, дорогая, любимая, только не говори ему! Он этого не перенесет!

– Тебе так жаль лишать его радости? – Теодрада улыбнулась.

– Конечно. Он же… как ребенок. Он же никогда о себе не думает, для себя ничего не хочет, все только о людях да о Боге. Пусть Бог его наконец порадует как следует.

– Моя мать сразу поняла, что в тебе душа христианина, хоть ты еще и не знал об этом, – сказала Теодрада. – Еще там, в Амьене. Помнишь, когда ты пришел к ней и она показывала тебе книги?

– Что-то… слегка помню. – Рерик отвел глаза. – А разве она с тобой говорила об этом?

– Да, она много говорила со мной о тебе… о вас… Там, в Пероне, когда вместе с королем Карлом приехала для переговоров с вами и ты пригласил ее навестить меня… Тогда она сказала, что охотнее выбрала бы тебя в мужья для меня, но было уже поздно.

– А ты сама что об этом думала тогда?

Теодрада не ответила и отвернулась: она уже жалела, что у нее вырвались эти слова. Она вообще старалась не вспоминать то время, когда решался вопрос о ее браке с одним из братьев-норманнов. Еще тогда Рерик внушал ей большее доверие, хотя почти не разговаривал с ней. Судьба сложилась иначе, и она не роптала, принимая Божью волю. Но за прошедшее время она убедилась, что тогдашнее чувство ее не обмануло. Рерик был менее честолюбив, чем старший брат, упорен, но не упрям, был способен на пылкие чувства, но лучше ими владел и не позволял страстям управлять собой. Он совсем не думает о Боге и продолжает по привычке упоминать своих языческих кумиров, но душа у него добрая и щедрая. Теодрада не могла не подозревать, что ее мать, графиня Гизела, питает к младшему брату своего зятя не совсем родственную привязанность, но скорее понимала, чем осуждала ее. И все же хорошо, что он женится на Рейнельде. Теодрада не могла судить свою мать, но надеялась, что теперь эта совсем не подобающая связь уйдет в прошлое.

– Ты напиши ей про чудо, – тихо сказал Рерик, думавший, как видно, о том же самом. – Ей тоже будет приятно.

На другой день была назначена свадьба. Рерик проснулся рано, но сон не освежил его и он совсем не чувствовал себя отдохнувшим. Из-за вчерашнего чуда и предстоявших сегодня свадебных торжеств весь дом гудел почти всю ночь. Рерик плохо спал: возбуждение не давало ему покоя, мешал шум, томили какие-то предчувствия. Мерещилось, что на краю его лежанки сидит какая-то женщина, кажется, даже мать, фру Торгерд. Но едва он хотел заговорить с ней, как она пропала, потом появилась снова. И теперь это была не фру Торгерд, а другая – какая-то женщина в белой одежде, с неясным лицом, на котором никак не удавалось сосредоточить взгляд. «*Будь осторожен*, – без слов шептала она, словно Рерик напрямую улавливал ее мысли, верее, они попадали ему в голову каким-то особым образом, минуя уши. – *Не все радуются твоей радости, у тебя есть враги. Тебе грозит смертельная опасность*».

– Какая опасность? – хотел спросить Рерик, даже, как показалось, спросил, но проснулся от звука собственного голоса и обнаружил, что издает натужное бессмысленное мычание, будто немой нищий, которого видел на днях в госпиции.

Стало противно, сон пропал. Зато белую женщину он помнил совершенно отчетливо. Она снова пришла. Один раз он уже видел ее – два года назад, во Франкии, возле каструма – укрепленной усадьбы Ангильрама, виконта Аббевилльского. Тогда вокруг свистели стрелы, и

белая женщина, фюльгъя, подала ему знак, что уже пора уходить. Собственная норна их рода, та, что живет в Золотом Драконе, сама воплощенная удача. Тогда она спасла ему жизнь – сам он ничего не соображал и мог дождаться последней норвежской стрелы. И все бы кончилось, не начавшись.

И вот теперь она снова пришла. Пришла, чтобы предупредить об опасности. Какой? Да мало ли? Мало ли у них врагов? Альдхельм со своим семейством – несмотря на свадьбу, после которой они станут близкими родичами, Рерик не обольщался насчет родственной любви эделинга и по-прежнему не доверял ему. Сыновья Сигимара Хитрого, их кровные враги. Тормунд Бровь, старый толстый урод, и его сыновья. Кто еще? Да тот же Бьёрн, конунг Свеаланда. Приняв у себя его беглого брата Анунда и пообещав ему помощь, они с Харальдом стали врагами свейского конунга. И нельзя исключить, что он уже об этом знает.

Так или иначе, норны не приходят просто так. Харальд тоже поутру выглядел хмурым и подтвердил, что тоже видел тревожные сны. Но их содержания не запомнил, поскольку вчера вечером в честь чуда с Божьим серебром слишком налегал на вино.

Выйдя из спального покоя – задней половины графского длинного дома, Рерик встретил Орма Шелкового. Тот уже оделся в византийский самит, его длинные светлые волосы были расчесаны и заплетены в две косы – любящая жена постаралась. Однако вид у Орма был довольно хмурый.

– Что с тобой? – спросил его Рерик. – Похмелье?

– Да нет. Жена что-то чудит.

– С чего ей чудить? У Адель платье красивее?

– Да нет, – повторил Орм. – Вообще на пир идти не хочет. И меня уговаривает не ходить.

– С чего это? Может, у нее того…

– Да нету у нее… того. Как с ума сошла: пойдем, говорит, к моему отцу сходим сегодня, он заболел, на пир не может прийти, и мать заболела, и сестра. Надо, говорит, с ними посидеть, ну пойдем, пойдем. Я ей говорю, завтра сходим к твоему отцу, сегодня же свадьба, как же я уйду! А если перепьются и в драку полезут? Не могу уйти сегодня, говорю. А она прямо чуть не рыдает. И чего ей неймется, была же у своего отца вчера только!

– Была у отца? Вчера?

Перед глазами Рерика снова встала белая женщина. Ее лица он не видел по-прежнему, но она своей белой фигурой словно подавала знак: это здесь.

– Постой! – Орм уже намеревался идти по своим делам, но Рерик взял его за рукав. – Стало быть, твоя жена не хочет идти на пир и тебя уговаривает не ходить?

– Ну, да.

– И вообще хочет, чтобы вы ушли из усадьбы и побыли у ее отца?

– Да.

– А ну пошли.

– Куда?

– К ней.

Орм, сделавшись ярлом и получив под начало целый корабль с дружиной, поставил себе хороший дом неподалеку от графской усадьбы. Рагенфредис оказалась дома и выглядела не лучшим образом: судя по ее лицу, она тоже не спала всю ночь и плакала. Увидев своего мужа в сопровождении Рерика, она ахнула и подвинулась на скамье, будто хотела от них сбежать.

– Послушай, добрая женщина, – начал Рерик, остановившись перед ней и даже наклонившись поближе к ее лицу. – Ты должна немедленно рассказать мне все, что знаешь. Орм все равно пойдет на пир и все время будет возле меня. Я – его вождь, он дал мне клятву, и никакие женские слезы его не заставят этой клятве изменить. Все, что случится со мной, случится и с ним. Поэтому говори. Что там сегодня будет?

Рагенфредис мельком глянула на хмурого и недоумевающего Орма, потом опять на требовательное лицо графа, и закрыла лицо ладонями.

– Говори быстро! – Рерик силой оторвал ее руки от лица. – Иначе будет поздно. Кто-то что-то затевает против нас?

Рагенфредис кивнула, зажмурив глаза, чтобы не смотреть на него. Из-под зажмуренных век текли слезы, она шмыгала носом, борясь с собой, разрываясь между тревогой за мужа, страхом и неуверенностью, как же ей следует поступить.

– Это Альдхельм? И Эвермод? Они собираются напасть на нас? Прямо на пиру?

– Я не знаю, – наконец выговорила Рагенфредис. – Клянусь Святой Девой, клянусь Фроувой и ее сестрами, конунг, я толком ничего не знаю! Но я вчера была у отца… Он что-то знает. Он сказал, чтобы я ни в коем случае не ходила на пир, сказалась больной, осталась дома, а еще лучше приходила на этот день к ним. А мать сказала, чтобы я и мужа просила остаться со мной, дескать, мне так плохо, что я не могу быть одна. Если я хочу его сохранить… А отец так глянул на нее, будто был недоволен. А потом сказал, что, может, он и ошибся, выдав меня за норманна… И так вздохнул… Больше они ничего не сказали, как я их ни просила. Я больше ничего не знаю, конунг. Но я так боюсь…

Рагенфредис разрыдалась, и Рерик выпустил ее руки, понимая, что здесь он больше ничего не добьется.

– Что будем делать, конунг? – тревожно хмурясь, спросил Орм. – Пойти потрясти Ирмунда с женой?

– Времени нет. – Рерик положил руки на пояс. – Вот-вот пора будет идти, меня наверняка уже обыскались. Вот что. Она пусть сидит дома. А ты под шелка кольчугу поддень. И всем ребятам скажи, чтобы надели кольчуги под одежду. А у кого нет – надели что есть. Пусть возьмут скрамы, в шоссы или под обмотки засунут, под подолами никто не увидит. И чтобы не пили, а только притворялись. Кто напьется, тот до утра не доживет! Ты все понял?

– Чего ж тут не понять, – ответил Орм и стал развязывать пояс. – Ты сам-то кольчугу наденешь?

– А как же? Я что, хочу умереть на собственной свадьбе? Я ж не на валькирии женюсь!

– А может, просто не пускать этих козлов? – спросил Орм из глубин нарядной шелковой гонели, которую в этот время стягивал. – А еще лучше, давай, я сейчас возьму сотню ребят, пойду к Альдхельму и накрою его тепленького! Давай, конунг! – Он оживился. – Задавим гада в гнезде, чтобы пир не портить.

– А вдруг все не так? – Рерик с сомнением посмотрел на Рагенфредис, которая пыталась взять себя в руки и хлюпать носом потише. – Она же сама толком ничего не знает. И потом не докажешь, что Альдхельм что-то затевал. Сами будем виноваты.

– Зато живые.

– А что о нас будут говорить? Что граф Фрисландский в день собственной свадьбы перебил всю родню невесты, да просто так, после обетов мира и дружбы? Да после чуда этого, чтоб его тролли взяли! Там все слезы христианского благочестия проливают… спьяну, а я кровавую резню устрою? Нет, так не пойдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.